

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<http://sthb.petrso.ru>

№ 1(12). Июнь, 2019

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Кабанова
Л. А. Клюкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.

E-mail: studhbor@petrso.ru

<http://sthb.petrso.ru>

Содержание № 1. 2019.

ФИЛОСОФИЯ

ЛЕБЕДЕВ С. А.	ПЛЮРАЛИЗМ КРИТЕРИЕВ ИСТИННОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ	4 - 14
ПОЧЕБУТ С. Н.	СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К КРИТИКЕ ПОЗИТИВИЗМА	15 - 23

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ДЕМИДОВА О. Р., РЕЗЕНЬКОВ В. Е.	СОВРЕМЕННАЯ ПОП-КУЛЬТУРА: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, ЭСТЕТИКА	24 - 29
СУВОРОВА И. М.	ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ НА САМООБРАЗОВАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ КАРЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	30 - 36

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

ХАННОНЕН О.	ТРАНСГРАНИЧНЫЙ ДАЧНЫЙ ТУРИЗМ: ОБЗОР РОССИЙСКОЙ ДАЧНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ФИНЛЯНДИИ	37 - 46
Килин Ю. М.	Некоторые демографические тренды современной Финляндии	47 - 57

Рецензии

ВОЛКОВ Ю. К.	МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЦЕНЗИЯ-РЕПЛИКА НА РАЗДЕЛ КНИГИ А. С. ЗАПЕСОЦКОГО «СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)»	58 - 64
--------------	--	---------

Хроника научных мероприятий

СУСЛОВА Е. Д.	Сотрудники ИЛЛМИК — организаторы и участники VII Международного исследовательского семинара по проблемам истории Карелии	65 - 68
---------------	---	---------

УДК 004+303+308

ПЛЮРАЛИЗМ КРИТЕРИЕВ ИСТИННОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ

**ЛЕБЕДЕВ
СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

*доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Московский государственный университет им. М. В.
Ломоносова, философский факультет,
Москва, Российская Федерация, saleb@rambler.ru*

Ключевые слова:

уровни научного знания
научная истина
критерии истинности научного
знания
научный консенсус

Аннотация:

В статье излагается новая, плюралистическая концепция истинности научного знания. Ее основу составляют два эпистемологических принципа: 1) признание социального характера научного познания, 2) фиксация уровневых характеристик строения научного знания (в структуре любой науки существует четыре качественно различных уровня знания: чувственное, эмпирическое, теоретическое и метатеоретическое). В силу онтологического, гносеологического и методологического различия уровней научного знания на каждом из них функционируют особые критерии его истинности. Всем им присущи только два общих признака: а) каждый из них критериев является многосоставным, б) каждый критерий истинности имеет в своей структуре консенсуальную компоненту.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 01 декабря 2019 года

Опубликована: 03 декабря 2019 года

Введение

Проблема структуры научного знания, состоящего из качественно различных областей, уровней, видов и единиц знания издавна привлекала внимание различных ученых и философов [1; 20]. Уже в античную эпоху ученые различали в науке ее исходное знание (аксиомы, общие законы, принципы) и производное (теоремы, частные законы, эмпирические следствия); чувственное и рациональное знание, интуитивное и дискурсивное знание; эмпирическое знание и теоретическое знание; технознание и объектное знание; частные, общие и всеобщие (метафизические) истины; мнение (гипотезы) и логически доказанное знание. Разнообразной виделась им и методологическая структура науки, использование в научном познании множества различных методов и средств получения и обоснования знания. Это, например, чувственное созерцание объектов (их наблюдение) и мысленная фиксация идей этих объектов (Демокрит, Платон, Аристотель), мысленное созерцание содержания аксиом и исходных принципов (Пифагор, Платон, Аристотель и др.), индуктивный и дедуктивный методы получения и обоснования знания (Аристотель, скептики, стоики и др.), мысленный эксперимент (Платон) и материальный (Архимед и др.). При этом вес и значение различных методов научного познания разными античными философами оценивались не одинаково. Это зависело как от предметной специфики той или иной области науки (математика, логика, естествознание, социально-гуманитарное знание, философия), так и от онтологических и эпистемологических предпочтений. Так одни философы отдавали предпочтение эмпирическому опыту как источнику, основанию и критерию истинности научного знания (Демокрит, Аристотель, эпикурейцы), тогда как другие – мышлению как основному средству построения

теорий, этой высшей формы научного знания (Парменид, Пифагор, Платон, Эвклид и др.).

В Новое время сформировался новый взгляд на науку и ее предназначение, ориентация на практическое использование научных знаний для умножения материальной мощи общества («Знание – сила» – Ф. Бэкон) [19]. В это же время сформировалось и четкое осознание учеными и философами существенно плюралистического характера как структуры научного знания, так и его методов (Леонардо да Винчи, Г. Галилей, Р. Декарт, Ф. Бэкон, Г. Лейбниц, И.Ньютон и др.). К прежним методам античной и средневековой науки были добавлены новые. Это: 1) физический эксперимент на основе использования приборов, средств измерения и количественного описания свойств и отношений изучаемых объектов (Г. Галилей, И. Кеплер, Р. Гук, И. Ньютон), 2) мысленный и, прежде всего, математический эксперимент (Г. Галилей), 3) интеллектуальная интуиция, дедукция и представление научных законов в форме математических уравнений (Р. Декарт, Г. Лейбниц), 4) элиминативная индукция как метод открытия и доказательства причинных законов (Ф. Бэкон, Дж. Ст. Милль), 5) научная гипотеза, 6) определение степени их подтверждения опытом и истинности (Г. Лейбниц, П. Лаплас, У. Девонс) [20]. Но самое главное – была четко выявлена двухуровневая структура знания в любой из наук. Это наличие в науке эмпирического и теоретического уровней научного знания. Данные уровни знания, хотя логически и связаны между собой, однако содержательно качественно различны в силу разных методов их получения и обоснования: эмпирический опыт и индукция – основные методы эмпирического познания; интуиция, мысленный эксперимент и дедукция – теоретического уровня познания [13].

В философии научного познания всегда существовала и противоположная плюрализму монистическая тенденция трактовки истины и ее критерия: стремление ряда философов разработать для всей науки и ее различных областей некий универсальный метод получения и обоснования научного знания. На роль такого метода предлагался либо один из известных научных методов (эксперимент, индукция, дедукция, интуиция, анализ, синтез, гипотеза и др.), либо позднее, уже в XIX в., некий всеобщий философский метод. Например, в качестве таковых были предложены следующие методы: диалектико-логический (Г. Гегель), диалектико-материалистический метод (Ф. Энгельс), феноменологический (Э. Гуссерль) и др. Однако, как показала история реальной науки ни одна из предложенных концепций универсального метода так и не получила признания в научном сообществе, ибо противоречила реально существовавшему разнообразию познавательных практик в разных областях науки.

Первый серьезный вызов монистическому представлению о методологическом единстве научного знания был сделан представителями неокантианства В. Виндельбантом и Г. Риккертом [1; 17]. Он состоял в обосновании принципиального методологического различия между науками о природе (естествознанием) и социальными науками (науками об обществе, культуре и человеке). В науках о природе сердцевину их содержания образуют научные законы, описывающие универсальные и вероятностные однообразия и регулярности природы, а главными методами являются гипотеза научного закона и объяснение, а также предсказание на их основе многочисленных частных проявлений этих законов [3; 18]. В культуре же, обществе и истории не существует полностью однообразных явлений, подчиняющихся действию некоторых объективных и безличных законов, ибо в обществе всегда действуют конкретные личности, наделенные сознанием, преследующие свои индивидуальные цели и интересы, которые могут лишь частично и внешним образом совпадать у разных людей. Науки о природе делают акцент на познании общего в различных явлениях природы. В отличие от естествознания в социально-гуманитарных науках акцент делается не на описании общих свойств и законов познаваемой реальности, а на том, что отличает одни социальные явления и события от других. Итогом этого различия стало утверждение, что тогда как основными методами естественных наук являются генерализация и обобщение (благодаря наличию в природе огромного количества тождественных объектов), основными методами социальных и гуманитарных наук – подчеркивание различий социальных и исторических событий, вскрытие лежащих за ними индивидуальных или коллективных мотивов и намерений, всегда направляющих действия людей. Отсюда неокантианцами делался вывод о существовании принципиального методологического различия между науками о природе и науками об обществе: первые – объясняющие и предсказывающие [3], тогда как вторые – понимающие и оценивающие [17]. А потому, как утверждали неокантианцы, и критерии истинности естественнонаучного и социально-гуманитарного знания должны существенно отличаться между собой.

Позже, уже в XX веке, была проанализирована и признана методологическая специфика также и двух других областей научного знания – математики и технических наук и, как следствие, показано

наличие особых критериев истинности знания в этих областях науки: логическая доказательность в математике и практическая реализация в технических науках. Критерии истинности научного знания в математике и технических науках отличаются не только между собой, но и от критериев истинности естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Позднее стало очевидно, что практика, понимаемая как материальная деятельность людей, является отнюдь не универсальным, а лишь одним из критериев истинности научного знания, который непосредственно применим к истинностной оценке знания только в технических, технологических и инженерных науках [6; 8]. И только во второй половине XX века было осознано существование онтологического и методологического плюрализма не только между разными областями научного знания, но и между разными уровнями научного познания в каждой из наук: чувственный, эмпирический, теоретический и метатеоретический уровни знания [20]. Отсюда естественным образом возникла идея о специфических критериях истинности не только для разных областей научного знания, но и для разных уровней научного знания в любой из наук, независимо от ее предметной области.

Основное содержание

1. Критерий истинности научного знания чувственного уровня

Чувственный уровень знания в любой из наук представляет собой множество чувственных данных о познаваемых объектах, получаемых исследователем в ходе наблюдения и эксперимента над ними. К чувственным данным научного познания относятся не только множество чувственных восприятий познаваемых объектов, но и множество восприятий показаний научных приборов [5]. В познавательном плане чувственное восприятие показаний приборов как некоторой совокупности материальных символов (например, показаний амперметра или любых других приборов) принципиально ничем не отличается от чувственного восприятия самих объектов познания. И те и другие тождественны между собой в том отношении, что как символы шкал приборов, так и познаваемые в опыте объекты являются в равной мере материальными носителями некоторой заключенной в них информации. Чувственное распознавание символов, способность их различения и отождествления в ходе чувственного восприятия, имеет место во всех науках, включая математику. Разница заключается лишь в том, что если в естественных науках чувственные данные это содержание чувственных восприятий самих познаваемых объектов, а также показаний приборов, то в математике – это чувственное восприятие материальных символов, обозначающих математические объекты, операции с ними, а также взаимосвязи математических объектов.

Например, в арифметике натуральных чисел такими символами являются цифры, обозначающие числа (1, 2, 3, 4, 5 ...), операции с ними (+, -, : и т.д.), а также порядок следования и пространственного расположения символов 123, 213, 312, 21, 12 и т.д. Чувственное восприятие различных символов, знаков является истинным (адекватным), если тождественно графическому изображению этих символов. Критерием истинности здесь является норма человеческого восприятия, основанная на способности сознания различать и отождествлять образы восприятия. Несмотря на влияние мышления на процесс и результаты чувственного познания в науке (проблемы, цели, установки, накопленное в прошлом знание), в целом человеческое восприятие и здесь имеет биологическую природу, а также интуитивно-бессознательный характер, регулируемый биологической нормой человеческого восприятия. Эта норма сформировалась в ходе длительной эволюции человека в процессе и выработки соответствующего механизма адаптации к условиям окружающей среды. У научных приборов аналогом чувственного восприятия человека выступает способность приборов отождествлять и различать сигналы, идущие от познаваемых объектов, по интенсивности и последовательности этих сигналов. Как правило, эти сигналы в принимающем устройстве прибора преобразуются и кодируются в виде электрических сигналов различной интенсивности и последовательности. В известном смысле ученый как субъект чувственного познания сам может быть рассмотрен как прибор особого рода. И именно к чувственному уровню знания в наибольшей степени применима корреспондентская концепция истины как знания максимально тождественного по своему содержанию познаваемому объекту. Чувственное восприятие белого снега истинно тогда и только тогда, когда наблюдавшийся снег был действительно бел. При этом если критерием истинности чувственного знания объектов природы является норма восприятия, то для чувственного восприятия символического, формального знания – глобальная чувственная интуиция. Поскольку любая наука, независимо от области познаваемых объектов, имеет чувственный уровень знания, постольку корреспондентская концепция истины может рассматриваться как универсальная, но только с одной важной оговоркой: таковой она является только по отношению лишь к одному уровню научного знания, а именно – чувственному уровню.

2. Критерии истинности различных единиц эмпирического уровня знания

Эмпирическое познание это рациональная (мыслительная, языковая) фиксация, обработка, схематизация, моделирование и обобщение чувственных данных о познаваемых объектах, направляемая теоретическими и практическими целями конкретного научного исследования. Результатом эмпирического познания является эмпирическое знание, представляющее собой совокупность высказываний о свойствах, отношениях и закономерностях абстрактных объектов. По способу получения эмпирическое познание это всегда синтез чувственной и мыслительной деятельности ученого, продуктом которого являются различные структурные единицы эмпирического уровня научного знания – первой ступени рационального знания в науке. Основными структурными единицами эмпирического уровня научного знания являются: 1) протокольные предложения («протоколы наблюдений»), 2) научные факты, 3) эмпирические законы, 4) феноменологические теории [9; 20].

2.1. Истинность протокольных предложений

Протокольные предложения это дискурсное моделирование и описание данных наблюдения и эксперимента. По своей логической форме любое конкретное протокольное предложение это единичное высказывания вида «А есть В», где А и В – термины, обозначающие некоторые данные в опыте свойства познаваемых объектов, как правило, в количественном виде (сила тока, напряжение, температура, плотность, вязкость и т.д. и т.п.) Например: «в момент времени Т1 в точке С1 имело место событие А». Поскольку каждое протокольное предложение по своей логической форме является единичным высказыванием о чувственных данных, постольку критерий его истинности достаточно прост: соответствие содержания данного суждения чувственным восприятиям явления или показаниям приборов. Однако, реализация (использование) данного критерия возможна только при соблюдении ряда эпистемологических условий. К ним относятся: доверие ученого к чувственным данным, а также к языку, используемому при дискурсной репрезентации чувственных данных, возможности повторения осуществленного наблюдения и результата его восприятия членами научного сообщества. Очевидно, что подтверждение (оценка) соблюдения (или несоблюдения) указанных выше условий в отношении конкретных протоколов всегда будет иметь экспертный или консенсуальный характер. Таким образом, уже в критерий истинности самых элементарных единиц эмпирического знания (научных протоколов) входит консенсуальный элемент. Роль этого элемента будет постоянно возрастать в критериях истинности более сложных единиц научного знания, как эмпирического уровня, так и особенно теоретического и метатеоретического его уровней.

2.2. Истинность научных фактов

Научные факты это обобщения (универсальные или статистические) некоторого множества протокольных высказываний об изучаемом объекте. Научные факты это всегда общие высказывания или суждения. Критерием истинности научного факта является правильность логического обобщения истинностного значения протоколов. Существует два логических метода правильного обобщения протоколов: перечислительная индукция и индукция как обратная дедукция [20]. В целом («по интегралу») истинность научных фактов является логической функцией истинности протоколов. Если все конкретные протоколы признаны научным сообществом истинными, то и основанный на них научный факт должен быть считаться необходимо истинным. Если же только часть протоколов является истинной, то полученный в результате их обобщения факт является лишь вероятно истинным (значение этой вероятности равно относительной частоте истинных протоколов среди всех имеющихся протоколов). Суждение о характере истинности научных фактов всегда содержит в себе определенную консенсуальную компоненту, так как всегда зависит, во-первых, от оценки профессиональным научным сообществом истинности представленной совокупности протоколов, а, во-вторых, от оценки им логической корректности методов логического или статистического обобщения [5].

2.3. Истинность эмпирических законов

Еще более значительный консенсуальный компонент присутствует при оценке истинности такой структурной единицы эмпирического уровня знания как эмпирический научный закон. Эмпирические законы науки это утверждения о наличии между некоторыми явлениями, данными в опыте, всеобщих или необходимых связей (отношений). Обычным опытным маркером наличия таких связей считается их повторяемость во времени или в пространстве при определенных условиях (например, «явление а происходит всегда раньше, позже или одновременно с явлением в”).

Существуют три главных вида эмпирических законов: 1) причинно-следственные, 2) структурные, 3) функциональные. В силу всеобщего и необходимого характера связей и отношений, утверждаемых в любом из эмпирических законов, критерием его истинности не может быть установление истинности всех его следствий. Это невозможно по чисто логическим основаниям. Во-первых, правила формальной

логики запрещают заключать об истинности посылок (в данном случае законов науки) на основании истинности выводимых из них следствий, поскольку истинные следствия (и) могут быть логически корректно получены и из ложных посылок (л). Пример: 1. Все тигры – травоядные (л). 2. Все травоядные – млекопитающие (л). Следовательно, все тигры – млекопитающие (и). Во-вторых, все законы это универсальные высказывания, а истинность универсальных высказываний с неопределенной областью значений не может быть доказана сколь угодно большим количеством примеров из этой области (неполная индукция всегда логически бездоказательна). В-третьих, любой эмпирический закон утверждает наличие необходимых связей между явлениями. Но опыт способен фиксировать только существование чего-либо, но не его необходимость. Существование того или иного явления может иметь и случайный характер. Из существования не следует необходимость. Это также относится и к наблюдению повторяемости наступления одних событий за другими (Д. Юм). Поэтому критерий истинности эмпирических законов является достаточно сложным. Он включает следующие компоненты: 1) соответствие научного закона (непротиворечивость) эмпирическим фактам, признанным научным сообществом в качестве истинных, 2) отсутствие его противоречия другим эмпирическим законам, принятым за истинные, 3) достаточно значимая объяснительная и предсказательная сила эмпирического закона, 4) демонстрация возможности его выведения в качестве следствия одной из научных теорий (феноменологической или трансцендентальной). Очевидно, что оценка степени реализации каждого из этих условий для эмпирического закона определяется научным сообществом и всегда имеет экспертный характер [21].

2.4. Истинность феноменологических теорий

Феноменологическая теория это высшая ступень эмпирического знания. Она состоит из совокупности определенных принципов и эмпирических законов, описывающих некоторую предметную область. Критерии истинности феноменологической теории является еще более сложным по сравнению с критериями истинности протоколов, эмпирических фактов более простых единиц эмпирического уровня научного знания. В состав критерия истинности эмпирических теорий входят следующие компоненты:

- 1) обоснование логической непротиворечивости феноменологической теории,
- 2) демонстрация существенной объяснительной и предсказательной силы этой теории по отношению к фактам и законам, относящимся к ее предметной области,
- 3) дедуктивная и (или) конструктивная взаимосвязь высказываний теории, делающая ее целостной концепцией,
- 4) непротиворечивость по отношению к другим феноменологическим теориям, принятым научным сообществом за истину,
- 5) ее выводимость в качестве одной из эмпирических интерпретаций какой-либо трансцендентальной научной теории.

Очевидно, что решение о соблюдении в конкретной теории любого из перечисленных условий ее истинности может быть только результатом научного консенсуса в данной области науки.

3. Критерии истинности различных элементов теоретического знания

Основными элементами теоретического уровня знания любой из наук являются следующие: 1) исходные и производные объекты теории; 2) определения, фиксирующие их содержание; 3) утверждения, фиксирующие взаимосвязь исходных и производных теоретических объектов, а также взаимосвязи менее общих и более общих производных объектов; 4) интерпретативные предложения, связывающие (отождествляющие) термины одной теории с терминами других теорий или с эмпирическими понятиями (любые интерпретативные предложения, несмотря на свою грамматическую форму «А есть В», все же являются не суждениями, а только определениями), 5) исходные суждения научной теории (ее аксиомы, принципы, наиболее общие законы), 6) производные суждения научной теории (логические следствия ее аксиом и теорем), 7) принятые в данной теории правила вывода или ее логика. Необходимо отметить, что большинство элементов теоретического уровня научного знания (элементы 1, 2, 3, 4, 7) не являются предметом истинностной оценки, ибо не являются суждениями. Их состоятельность оценивается в других терминах таких как «конструктивность», «полезность», «простота», «удобство» и др. Предметом истинностной оценки теоретического уровня научного знания являются лишь следующие его элементы: аксиомы, теоремы, а также сами теории как логически связанные системы суждений [14].

Применимо ли аристотелевское понимание истины как тождества содержания знания с содержанием познаваемого объекта к теоретическому знанию? А если да, то можно ли считать теоретическое знание столь же объективным, как и чувственное и эмпирическое знание? На оба эти

вопроса необходимо дать утвердительный ответ. Объективное знание это знание об объектах любого вида, независимо от их типа, то есть независимо от того, являются ли эти объекты чувственными, эмпирическими или теоретическими. Поэтому аристотелевское определение истины вполне применимо и к описанию теоретических или идеальных объектов. Тем не менее, разные типы суждений научных теорий имеют разные критерии своей истинности.

3.1. Критерий истинности аксиом научных теорий

Критерием истинности аксиом является наличие у них следующих свойств: 1) интуитивная очевидность для мышления тождества содержания аксиом с содержанием исходных идеальных объектов теории, 2) плодотворность аксиом (возможность выведения из них, или построения на их основе), достаточно богатых по содержанию научных теорий, 3) эффективность применения аксиом теории к объяснению и предсказанию эмпирических фактов и законов.

3.2. Критерий истинности теорем научных теорий

Критерий истинности теорем является чисто аналитическим: возможность их логического выведения из истинных аксиом. При этом в отличие от аксиом научных теорий содержание их теорем может быть сколь угодно сложным и отнюдь не очевидным для мышления. Но если они выводятся из истинных аксиом, то это является достаточным условием признания их истинности. Конвенциональной компонентой здесь является следующее обстоятельство: выбор научным сообществом определенного множества правил вывода. Это выбор обусловлен тем, в современной формальной логике разработано множество различных систем вывода, частично исключающих друг друга: двузначная и многозначные логики, дедуктивная и индуктивные (вероятностные) логики, аналитические и конструктивные логики. Например, в теориях классической физики использовались правила вывода двузначной логики, тогда как в квантовой механике: трехзначная логика (истинно, ложно, неопределенно). В теориях классической математики в качестве универсальных законов логики признавались закон исключенного третьего и закон двойного отрицания, тогда как в теориях конструктивной (интуиционистской) математики действие этих законов было ограничено только выводами о свойствах конечных множеств и неприменимостью этих правил в рассуждениях о бесконечных множествах, поскольку это приводило к логическим противоречиям.

3.3. Критерии истинности частных и фундаментальных теорий

В структуре теоретического уровня научного знания имеются такие достаточно сложные элементы как частные и фундаментальные теории (в том числе, «парадигмальные»). Установление их истинности есть дело преимущественно сферы мышления, а не опыта, поскольку их непосредственным предметом выступают не эмпирические, а идеальные объекты и их свойства. Поэтому здесь критерием истинности не может быть ни степень соответствия фактам, ни полезность применения на практике. Более того, как убедительно свидетельствует история науки хорошее соответствие данным опыта, а также успешное применение на практике имело место и для научных теорий, впоследствии признанных ложными (физика Аристотеля, геоцентрическая астрономия Птолемея, механика Р. Декарта, гелиоцентрическая система Коперника, теории теплорода, флогистона и эфира в химии и физике, биологическая теория Ж.-Б. Ламарка, теория эволюции видов Дарвина, политэкономические теории А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, марксистские социальные теории и т.д.). Хотя как истинность, так и ложность самих теорий не может быть доказана опытом, ибо они ничего не утверждают об опыте, это отнюдь не относится к их эмпирическим интерпретациям и к их применению на практике. Однако, при этом необходимо всегда иметь в виду, что в случае обнаружения противоречия эмпирической интерпретации некоторой теории с опытом ложной может быть объявлена как теория, так и ее эмпирическая интерпретация, а также и обе вместе. Выбор любой из этих возможностей всегда имеет, в конечном счете, также консенсуальный, или экспертный характер. Более важным для признания истинности любой научной теории является не внешний, а внутренний критерий ее истинности. Однако и внутренний критерий истинности научных теорий может быть разным в зависимости от того, является ли она частной или фундаментальной теорией.

3.3.1. Истинность частных научных теорий

Критерием истинности частных научных теорий являются следующий набор эпистемологических компонент:

- 1) внутренняя непротиворечивость научной теории
- 2) логическая доказательность всех ее утверждений кроме аксиом
- 3) плодотворность в качестве средства интерпретации и обоснования феноменологических теорий и эмпирических законов
- 4) отсутствие их логической противоречивости другим частным теориям, принятых в науке в

качестве истинных

5) возможность ее конструирования (выведения) на основе более общих теорий, принятых за истинные в данной области науки.

Очевидно, что критерии истинности как фундаментальных, так и частных теорий, в своей структуре имеют ряд консенсуальных компонент и зависят от согласованного мнения научного сообщества [5; 21].

3.3.2. Истинность фундаментальных научных теорий

Необходимыми и достаточными условиями истинности фундаментальных научных теорий являются:

- 1) внутренняя непротиворечивость
- 2) содержательная нетривиальность
- 3) логическая доказательность
- 4) плодотворность в качестве средства конструирования, обоснования и интерпретации частных теорий, а также феноменологических теорий
- 5) соответствие фундаментальной теории общепринятой научной картине мира
- 6) соответствие фундаментальной теории определенным философским основаниям науки (онтологическим, гносеологическим, социальным, аксиологическим [14].

4. Истинность метатеоретического уровня научного знания

Метатеоретический уровень научного знания является самым общим в когнитивной структуре науки. Предметом или объектом этого уровня научного знания являются научные теории (как феноменологические, так и трансцендентальные). А главной целью исследования – проверка научных теорий на их соответствие содержанию как общепринятых фундаментальных (парадигмальных) теорий, а также содержанию общенаучного и философского знания [20]. Основными элементами метатеоретического уровня научного знания являются: 1) парадигмальные научные теории, 2) научная картина мира (как частнонаучная, так и общенаучная), 3) идеалы и нормы научного исследования, 4) философские основания науки. Для каждого из этих элементов существуют также свои критерии истинности.

4.1. Истинность парадигмальных научных теорий

Парадигмальные научные теории являются общепринятыми фундаментальными теориями в определенной области науки. В истории науки такими теориями были: в математике – евклидова геометрия и классическая теория множеств; в физике – аристотелевская механика, классическая механика Ньютона, классическая электродинамика, классическая термодинамика; в биологии – теория биологической эволюции Ч. Дарвина, классическая генетика; в политэкономии – классическая политэкономия Смита – Рикардо; в социологии – общая социология М. Вебера и социология науки Р. Мертона; в теории общества – теория общественного договора, теория общественно-экономических формаций и др. В современной науке такими теориями являются: в математике – теория абстрактных структур, конструктивная математика; в физике – теория относительности, квантовая механика и синергетика; в биологии – синтетическая теория эволюции, молекулярная биология; в теории общества – концепция многофакторной детерминации с изменяющимся весом факторов, в антропологии и психологии – теория многомерной природы и сущности человека и др.

Критериями истинности парадигмальных теорий являются: 1) непротиворечивость, 2) простота их основных понятий и принципов, 3) контролируемая правильность построения, 4) значительная объяснительная и предсказательная сила, 5) теоретическая плодотворность в развитии научного знания и его практических приложениях. Обоснование наличия у парадигмальных теорий перечисленных выше свойств является для научного сообщества необходимым, однако, все же недостаточным основанием их принятия научным сообществом в качестве истинных. Как убедительно свидетельствует вся история науки (эта «драма идей» – А. Эйнштейн), решающим фактором здесь является консенсус соответствующего профессионального научного сообщества. В этом убедился и сам Эйнштейн, когда сообщество физиков XX века, несмотря на критику Эйнштейном квантовой механики за ее неполноту, все же признало ее истинной теорией.

4.2. Истинность научных картин мира

В структуре метатеоретического уровня знания важное место принадлежит научной картине мира. Дело в том, что научная картина мира это наиболее общий уровень онтологического знания в науке, еще более общий, чем онтологическое содержание отдельных парадигмальных теорий. Это относится как к частно-научным картинам мира разных областей науки, так и к общенаучной картине мира. Первые являются наиболее общим видом онтологического знания в различных областях науки или

отдельных науках (естественнонаучная картина мира, социальная картина мира, физическая картина мира, химическая картина мира, биологическая картина мира, геологическая картина мира и т.д.). Общенаучная же картина мира является обобщением, синтезом частнонаучных картин мира науки определенного исторического периода ее развития (картина мира античной науки, картина мира средневековой науки, картина мира классической науки, картина мира неклассической науки, картина мира постнеклассической науки). В силу различия содержания и методов построения научно-научной и общенаучной картины мира критерии их истинности также разнятся между собой [16].

Критерием истинности научно-научной картины мира является наличие у нее следующих свойств: 1) синтетический характер по отношению к имеющемуся массиву теоретического знания в соответствующей области науки; 2) ее внутренняя непротиворечивость, а также согласие с общенаучной картиной мира. Очевидно, что данный критерий имеет явно консенсуальный характер; 3) мировоззренческая значимость научно-научной картины мира. Очевидно, что этот критерий также имеет консенсуальную природу [7].

Критерием истинности общенаучной картины мира является наличие у нее следующих свойств: 1) предельно общий характер ее онтологии по отношению к совокупности всех научных теорий и научнонаучных картин мира определенного исторического этапа развития науки; 2) внутренняя непротиворечивость и согласие с содержанием большинства парадигмальных теорий и научнонаучных картин мира данного периода развития науки; 3) большая эвристическая сила как фактора развития научного знания; 4) опора на рациональные философские онтологии и концепции; 5) мировоззренческая и общекультурная значимость [10].

Очевидно, что принятие научным сообществом решения о наличии у той или иной общенаучной картины этих свойств также имеет консенсуальный характер.

4.3. Истинность идеалов и норм научного познания

Идеалы и нормы научного познания также являются одним из важных элементов метатеоретического уровня знания [15]. Они играют функцию методологических стандартов и правил получения и обоснования научного знания. Среди этих стандартов следует различать два вида: научнонаучные и общенаучные идеалы и методы. В истории науки их содержание обычно зафиксировано в представлениях о научной рациональности либо в науке в целом (общенаучная рациональность), либо в отдельных областях науки (отраслевая рациональность: математическая, естественнонаучная, социально-гуманитарная, техническая) [12]. Экспликация или развертка содержания общенаучных и научнонаучных идеалов и норм научного исследования осуществляется соответствующим образом, как в общенаучной методологии, так и в научнонаучных (или отраслевых) методологиях. Методы науки – главный предмет методологии научного познания. Методология научного познания описывает цели и правила научно-познавательной деятельности как деятельности особого рода. Соответственно проблема истинности идеалов и норм научного познания это проблема критериев истинности методологического знания в науке. Сущность научно-познавательной деятельности может быть кратко определена как деятельность по получению и обоснованию научного знания как знания особого рода, качественно отличного по своим свойствам от других видов знания (обыденного, практического, философского, художественного, религиозного, философского и др.). В методологии науки проблема специфики научного знания, его качественного отличия от других видов знания известна как «проблема демаркации научного знания». То или иное ее решение осуществляется путем описания системы необходимых свойств научного знания.

Анализ истории науки, а также ее методологии убедительно свидетельствует, что ни в истории реальной науки, ни в ее методологической рефлексии никогда не существовало общезначимого решения данной проблемы. И это было обусловлено не только общими эпистемологическими предпочтениями ученых (например, их эмпиристскими или рационалистическими установками), но и сложной, диалектически противоречивой структурой самого научного знания, состоящего из качественно различных областей научного знания: математика и логика, естествознание, социально-гуманитарные науки, технические науки, эмпирическое научное знание, научные теории и др. Очевидно, что разные по содержанию и форме виды научного знания не могут быть получены с помощью одинаковых методов и средств. Но, верно и то, что это отнюдь не отменяет требования общего определения научного знания и его необходимых свойств, которые должны присутствовать у всех видов научного знания, независимо от его содержания. Определение набора этих свойств у научного знания в целом, а также у его различных видов образует основное содержание такой методологической проблемы как научная рациональность и ее виды. На наш взгляд любое решение этой проблемы даже при его серьезной опоре на анализ реальной науки и ее истории неизбежно будет иметь

консенсуальный характер, будучи определенной рациональной реконструкцией реальной научно-познавательной деятельности. Эта реконструкция неизбежно будет применением к реальной науке некоторого методологического идеала. Конструируется же такого рода идеал в философии на основе общего понимания смысла и целей научной деятельности.

Философия как предельно общий вид мышления и знания не может не быть не плюралистической. Плюрализм и полипарадигмальность философии – неизбежное следствие природы философского познания. Основными конкурирующими парадигмами в области методологии науки являются эмпиризм, априоризм и конструктивизм [1]. Они не совместимы друг с другом, ибо их исходные положения (аксиоматика) логически противоречат друг другу. Предпочтение же, оказываемое одной из этих парадигм всегда есть результат либо индивидуального выбора конкретного ученого, либо консенсуального решения научного сообщества, отражающего, как правило, позицию его лидеров.

Заключение

Основные выводы:

1. Не существует универсального критерия истинности научного знания, его различных областей, уровней и их структурных единиц.
2. По мере усложнения содержания и формы разных единиц научного знания критерий истинности становится все более сложным и комплексным.
3. Необходимой компонентой критерия истинности любой единицы научного знания является консенсуальная позиция научного сообщества.
4. Роль и значение консенсуальной компоненты в составе критерия истинности различных единиц научного знания постоянно возрастает по мере усложнения содержания и степени общности разных единиц научного знания.
5. Среди критериев истинности различных единиц научного знания научному консенсусу принадлежит решающая роль при оценке истинности таких элементов научного знания как научные теории, а также различных единиц метатеоретического знания (парадигмальные теории, научные картины мира, идеалы и нормы научного познания).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М.: Республика, 1995. 687 с.
2. Лебедев С. А. Две парадигмы природы научной истины // Журнал философских исследований. 2018. № 4. С. 3-11.
3. Лебедев С. А. Методы метатеоретического уровня научного знания // Известия Российской академии образования. 2018. № 3. С. 5-32.
4. Лебедев С. А. Методы чувственного познания в науке // Журнал философских исследований. 2016. № 4. С. 2-2.
5. Лебедев С. А. Общенаучная картина мира и ее методологические функции // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 2. С. 130-135.
6. Лебедев С. А. Основные парадигмы эпистемологии и философии науки // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 72-82.
7. Лебедев С. А. Плюрализм методов теоретического познания в науке // Известия Российской академии образования. 2017. № 3. С. 5-39.
8. Лебедев С. А. Постнеклассическая эпистемология: основные концепции // Философские науки. 2013. № 4. С. 69-83.
9. Лебедев С. А. Проблема истинности научной теории // Гуманитарный вестник. 2018. № 4. С. 514-520.
10. Лебедев С. А. Проблема научного метода в античной философии // Журнал философских исследований. 2019. № 2. С. 10-20.
11. Лебедев С. А. Структура научного знания и его уровни // Журнал философских исследований. 2016. № 1. С. 1-1.
12. Лебедев С. А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 55-69.
13. Лебедев С. А. Чувственное и эмпирическое знание в науке: сходство и различие // Известия Российской академии образования. 2019. № 1. С. 5-13.

14. Лебедев С. А., Ильин В. В., Лазарев Ф. В., Лесков Л. В. Введение в историю и философию науки. М: Академический проект. 2005. 384 с.
15. Лебедев С. А., Коськов С. Н. Конвенции и консенсус в контексте современной философии науки // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2014. № 1. С. 7-13.
16. Лебедев С.А. Методологическая функция идеалов и норм научного познания // *Журнал философских исследований*. 2019. Т. 5. № 3. С. 17-28.
17. Лебедев С.А. Эмпирическое познание в науке и его методы // *Журнал естественнонаучных исследований*. 2019. № 1. С. 25-33.
18. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. 413 с.
19. Lebedev S. A. Methodology of Neo-Inductivism: critical analysis. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research // Proceedings of the 4th International Conference of Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019)*. Moscow, 2019. С. 5-9.
20. Lebedev S. A. Scientific knowledge: the demarcation problem // *European Journal of Philosophical Research*. 2016. № 1 (5). С. 27-34.
21. Lebedev S. Scientific truth: social issue and consensual character // *European Journal of Philosophical Research*. 2018. № 5 (1). С. 58-67.

References

1. Windelband W. Selected. Spirit and history. Moscow, 1995. 687p. (In Russ.)
2. Lebedev S. A. Two paradigms of the nature of scientific truth. *Journal of philosophical research*. 2018. No 4. P. 3-11. (In Russ.)
3. Lebedev S. A. Methods of the metatheoretic level of scientific knowledge. *Bulletin of the Russian academy of education*. 2018. Vol. 3. P. 5-32. (In Russ.)
4. Lebedev S. A. Methods of sensory cognition in science. *Journal of philosophical research*. 2016. No 4. P. 2-2. (In Russ.)
5. Lebedev S. A. General scientific picture of the world and its methodological functions. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 87. No 2. P. 130-135. (In Russ.)
6. Lebedev S. A. Basic paradigms of epistemology and philosophy of science. *Questions of philosophy*. 2014. No 1. P. 72-82. (In Russ.)
7. Lebedev S. A. Pluralism of methods of theoretical knowledge in science. *Proceedings of the Russian academy of education*. 2017. No.3. P. 5-39. (In Russ.)
8. Lebedev S. A. Postnonclassical epistemology: basic concepts. *Philosophical Sciences*. 2013. No 4. P. 69-83. (In Russ.)
9. Lebedev S. A. The problem of the truth of a scientific theory. *Humanitarian Bulletin*. 2018. No 4. P. 514-520. (In Russ.)
10. Lebedev S. A. The problem of scientific method in ancient philosophy. *Journal of philosophical research*. 2019. No 2. P. 10-20. (In Russ.)
11. Lebedev S. A. Structure of scientific knowledge and its levels. *Journal of philosophical research*. 2016. No 1. P. 1-1. (In Russ.)
12. Lebedev S. A. The structure of scientific rationality. *Questions of philosophy*. 2017. No 5. P. 55-69. (In Russ.)
13. Lebedev S. A. Sensory and empirical knowledge in science: similarities and differences. *Proceedings of the Russian academy of education*. 2019. No 1. P. 5-13. (In Russ.)
14. Lebedev S. A., Ilyin V. V., Lazarev F. V., Leskov L. V. Introduction to the history and philosophy of science. Moscow. 2005. 384 p. (In Russ.)
15. Lebedev S. A., Koskov S. N. Conventions and consensus in the context of modern philosophy of science. *The new approaches in psychological-educational studies*. 2014. No 1. P. 7-13. (In Russ.)
16. Lebedev S.A. Methodological function of ideals and norms of scientific cognition. *Journal of philosophical research*. 2019. Vol 5. No 3. P. 17-28. (In Russ.)
17. Lebedev S.A. Empirical knowledge in science and its methods. *Journal of natural science research*. 2019. No 1. P. 25-33. (In Russ.)
18. Rickert G. *Natural Sciences and Cultural Sciences*. Moscow, 1998. 413 p. (In Russ.)
19. Lebedev S. A. Methodology of Neo-Inductivism: critical analysis. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the 4th International Conference of Contemporary*

Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019). Moscow, 2019. P. 5-9. (In Russ.)

20. Lebedev S. A. Scientific knowledge: the demarcation problem. *European Journal of Philosophical Research*. 2016. No. 1. P. 27-34. (In Russ.)

21. Lebedev S. A. Scientific truth: social issue and consensual character. *European Journal of Philosophical Research*. 2018. No 5. P. 58-67. (In Russ.)

THE PLURALISM OF SCIENTIFIC TRUTHS CRITERIA: LEVEL MODEL

**LEBEDEV
Sergey**

*Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of
Philosophy,
Moscow, Russian Federation, saleb@rambler.ru*

Keywords:

: levels of scientific knowledge
scientific truth
criteria of truth of scientific knowledge
scientific consensus

Summary:

The article presents a new, pluralistic concept of the truth of scientific knowledge. It is based on two epistemological principles: 1) recognition of the social nature of scientific knowledge, 2) fixation of the level nature of the structure of scientific knowledge (in the structure of any science there are four qualitatively different levels of knowledge: sensory, empirical, theoretical and metatheoretical). Due to ontological, epistemological and methodological different levels of scientific knowledge on each of them there are special criteria of its truth. All of them have only two common features: a) each of them is a multicomponent, b) each criterion of truth has in its structure a consensual component.

УДК 004+303+308

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К КРИТИКЕ ПОЗИТИВИЗМА

**ПОЧЕБУТ
СТАНИСЛАВ
НИКОЛАЕВИЧ**

*старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный
элек-тротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
кафедра философии,
Санкт-Петербург, Россия, sniper2711@yandex.ru*

Ключевые слова:

позитивизм
эмпиризм
логика
объективность
ценность
эпистемология
метафизика
социальное действие
детерминизм

Аннотация:

Современная эпистемология науки осуществила решительную критику доминирующих взглядов позитивистской и неопозитивистской модели знания и фактически подорвала ее авторитет. На рубеже вот уже нескольких веков позиция позитивизма испытывает значительные теоретико-методологические трудности в объяснении характера общественной жизни и перспектив социально-исторического развития. В силу этого, приобретает особую значимость исследование современных подходов к критике такого направления, как позитивизм с особым указанием значимости социально-гуманитарного знания для понимания процессов, происходящих в современном обществе. Методологически работа базируется на социально-философском анализе первоисточников и исследовательской литературы. На протяжении длительного периода времени преобладание механистического, материалистического и детерминистского взгляда на мир, введение расчета, измерения и точности в качестве основных методологических принципов науки, вооруженное постулированием количественно определенных сущностей, сформировало не менее характерную социальную этику. Абстрактные схемы, формалистские методы, универсальные идеи и понятия подчинили все тождественной логике автономного субъективного разума и его основному предикату – интеллектуалистской воле к власти. XXI век вместе с яркой критикой позитивизма во многих его проявлениях отчетливо доказывает нам в результате глубокого анализа позитивистских подходов, что окружающая нас реальность гораздо ближе к хаосу, чем к космосу. Таким образом, результатом исследования является обозначение особой значимости социально-гуманитарного знания в XXI веке для исследования процессов, происходящих в обществе, с одновременным признанием неспособности точных наук описывать социальные действия. Будучи противоположными по методу подходы к изучению общества, они совпадают по цели, каковой является достижение состояния недвойственности – отсутствия разделенности на субъект и объект по исчерпанию

самости. Такой опыт автор полагает предельным для человеческого существования одновременно с утверждением его хаотичности и недетерминированности в развитии.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 01 декабря 2019 года

Опубликована: 03 декабря 2019 года

Введение

Современная философия (эпистемология) науки с участием К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, А. Хансона и других исследователей осуществила решительную критику доминирующих взглядов позитивистской и неопозитивистской модели знания и фактически подорвала ее авторитет. Одновременно с этим, стоит обратить внимание на тот факт, что в современной литературе уделяется недостаточно внимания данной проблеме, тогда как на рубеже двух веков позиция позитивизма испытывает значительные теоретико-методологические трудности в объяснении характера общественной жизни и перспектив социально-исторического развития. Позитивистов критиковали представители классической школы, приверженцы теории социального действия. Критика позитивизма связана, по крайней мере, отчасти, с критикой детерминизма. Позитивизм изображается как подход, согласно которому ко всем областям исследования применим один-единственный научный метод. Точные науки принимаются позитивизмом за стандарт достоверности и точности для всех дисциплин. Позитивисты полагают, что знания по сути своей нейтральны. Они считают, что могут вынести человеческие ценности за рамки своей научной деятельности. Эта вера, в свою очередь, приводит к мнению, что в задачи науки не входит защита какого-либо конкретного вида социального действия, что делает проблему крайне актуальной в XXI веке, поскольку на науку как на социальный институт возлагают большие надежды, полагая, что именно ей предстоит решить наиболее сложные социальные задачи, стоящие перед современным обществом.

Материалы и методы. Представленные в работе выводы опираются на методологию философии науки, философской антропологии и социальную философию. Эти компоненты проявляются в изучении современных подходов к критике позитивизма, глубоких для человеческого сознания переживаний и анализу процессов, происходящих в современном обществе, невозможности описания социального действия методами точных наук. Исследование базируется на материале философской литературы, относящейся как к первоисточникам (И. Канта, И. Ньютона, В. Брумберга), так и к научным исследованиям по теме (К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, Э. Хансона, П. Дьюэма, У. Куайна и др.).

Результаты исследования. Изложение результатов исследования целесообразно начать с уточнения того, что именно в настоящее время понимается под критикой позитивизма, а для этого необходимо последовательно изложить современные критические подходы к этому феномену.

Для начала, рассмотрим наиболее важные подходы к критике позитивизма, которые сосредоточены на его фундаментальных принципах.

Сциентизм

Сциентизм или единство научного метода. Позитивистская методология не видит никакой разницы между естественными и социальными науками. Принятие же единства научного метода принимается в тандеме с понятием преобладающей роли естественных наук, в которой общественные науки видят свою модель. Результатом является то, что мы называем сциентизмом, то есть взгляд, что только естественные науки могут производить семантическую интерпретацию знания.

Далее проанализируем критику, обращенную к парадигме позитивистского и натуралистического знания. Все мыслители и все течения социальной теории, противоположные позитивизму, сходятся в следующем: метод естественных наук не может быть перенесен в общественные науки потому, что объектом изучения социальных наук является предварительно интерпретированный мир событий, то есть социальный мир, в котором категории опыта уже сформулированы и через контекст ноэма-семантического поведения человеческих субъектов и происходящих коммуникативных взаимодействий. Исследователь не является простым наблюдателем природных явлений, а участвует в качестве активного социального субъекта в исследуемых им символическо-семантических системах. Необходимым следствием этого является то, что он не может изучать социальные события «извне», как если бы последние были просто «объектами», что, само по себе, нарушает главный философский принцип – принцип объективности. В таком случае, цель исследования – интерпретировать и понять

оправдания, ожидания и множество способов, через которые проходят человеческие субъекты в своих социальных взаимодействиях, а также то, как этот опыт влияет на них.

Исследователь может понять человека, потому что он является частью социального мира, а также «субъектом» своего исследования. Таким образом, его герменевтические усилия не могут достичь идеологической или оценочной нейтральности.

Целью исследователя является не поиск законов, управляющих поведением человека или социальным миром, а понимание их значения и открытие социальных и психологических предпосылок, которые способствовали формированию характеру первого.

Исторические и социальные явления уникальны и недостижимы, связаны с ценностями и целями, в то время как природные явления связаны с причинно-следственными связями. Как результат, исследователь не может сформулировать законы и перейти к проекциям. Намерение позитивистского подхода – открыть некие общественные «законы» превращает философию в технологию.

Применительно к рассматриваемому вопросу феноменологическая герменевтика Ганса Георга Гадамера и Мартина Хейдеггера ввела понятие понимания как онтологической предпосылки человеческого общества. Понимание предшествует познавательному процессу субъекта, и именно в этом смысле исчезает различие между естественными и социальными науками. Понимание формирует архетипическое экзистенциальное состояние бытия и связано с потенциальностью бытия как темпоральностью, являющейся структурным элементом человеческого существования. С этой точки зрения смысл фразы «бытие-в-себе-есть время» состоит в том, что природа человеческого существования заключается в его историчности, а темпоральность буквально «в мире» [2]. Историчность жизненного мира есть априорное условие, делающее возможным познание и самосознание. Через герменевтический процесс понимание возникает как специфический способ, которым историчность природы принимает свою форму.

Идеал объективного знания, беспристрастия и предвидения как цели модернистской мысли и их связи с методом естественных наук отвергается и опровергается. Любая когнитивная операция по преимуществу является герменевтической деятельностью. Интерпретатор предрасположен к историческому жизненному миру, который обосновал его существование. И даже если мы попытаемся провести различие между естественными и социальными науками как разделением методов и инструментов, герменевтический опыт не может быть отделен от методологического исследования. В результате этого идеал исторической, объективной и универсальной истины подвергается серьезному испытанию, а исторический характер знания и интерпретации выходит на первый план. Феноменологическая герменевтика Г. Хайдеггера и М. Гадамера лежит параллельно с новейшими достижениями философии науки Р. Бхаскара, вещи существуют и действуют независимо от наших описаний, но мы способны познать их только через конкретные описания. Описания существуют в мире человеческого общества, объекты – в мире природы [7].

Физиократия и феноменократия

Для позитивизма объектом научного метода является внешняя реальность, а науко-наблюдаемые природные явления. Этот взгляд влечет за собой, с одной стороны, физиократию, то есть признание физиоэмпирического происхождения знания, а с другой – объективизм, то есть принятие объективного и самосохраняющегося существования явлений.

Ответ на предыдущие аргументы строится на позиции, известной как недетерминированность теории из эмпирических указаний и теоретическое взвешивание действия наблюдения. Оба эти критических вызова позитивизму родились из контекста конвенционализма, который исторически поставил первый главный пункт оппозиции позитивизму (или, скорее, редукционизму). Основной эпистемологический принцип конвенционализма гласит, что законы науки (такие как ньютоновская механика) и аксиомы математики (такие как евклидова геометрия) не являются экспериментальными обобщениями, ни априорным знанием, но конвенциями или лингвистическими определениями. Французский философ науки Анри Пуанкаре считается главным сторонником конвенционализма. Его основные идеи содержатся в книге «О науке», состоящей из четырех произведений выдающегося французского математика «Наука и гипотеза», «Ценность науки», «Наука и метод» и «Последние мысли», которые посвящены рассмотрению путей познания в математике, механике и физике [6].

Позиция недетерминированности отвергает возможность чисто эмпирического определения теории, то есть отвергается возможность теоретической схемы, лежащей в абсолютном согласии с опытом. Обоснование тезиса недетерминированности основано на некоторых аргументах, разработанных П. Дюэмом и У. Куайном, и благодаря этому он также известен как тезис Дюэма-Куайна (несмотря на то, что зависимые взгляды исследователей не всегда совпадают) [9].

Теперь рассмотрим тезис, который также первоначально был выдвинут П. Дюэмом. Он звучит так: «Физик никогда не может подвергнуть контролю опыта одну какую-нибудь гипотезу в отдельности, а всегда только целую группу гипотез. Когда же опыт его оказывается в противоречии с предсказаниями, то он может отсюда сделать лишь один вывод, а именно, что, по меньшей мере, одна из этих гипотез неприемлема и должна быть видоизменена, но он отсюда не может еще заключить, какая именно гипотеза неверна» [3]. Из этой формулировки тезиса, в частности, следовало, что в силу системного характера организации фундаментальных теорий в принципе невозможен «решающий эксперимент», который позволял бы однозначно их подтвердить или опровергнуть. Таким образом, становится невозможным окончательно определить истинность любой фундаментальной теории. В дальнейшем эта идея развивалась Т. Куном, П. Фейерабендом, Д. Бомом, Э. Хансоном, С. Тулмином.

Сама так называемая теория наблюдения, обычно понимается как двоякое понятие: а) что наблюдения включают в себя сопутствующий набор гипотез, которые появляются в форме теории познания, психологии наблюдения, лингвистических упорядочений и т. д.; б) в том смысле, что то, что считается относительным и предшествующим эмпирическим указанием, частично основано на теории, к которой приходит само эмпирическое указание.

Первое понятие соответствует тезису о недостаточном завершении теории. Следствием теории наблюдения является то, что ученые в принципе могут с подозрением относиться к определенному наблюдению и оспаривать обоснованность его составляющих гипотез. Второе понятие теории – наблюдательность – имеет некоторые интересные последствия для роли наблюдения в выборе теории. Согласно этой концепции, очевидно, что наблюдения не могут функционировать в качестве объективных судей при выборе теории, когда в то же время важность и характер первой, а также их собственные оценочные и измерительные способности зависят от конкурирующих теорий. Именно таким образом теоретически нагруженные наблюдения могут привести к противоположным выводам (в смысле Т. Куна). Кроме того, даже если сторонники разных теорий согласятся с важностью критического эксперимента, очевидным предположением будет то, что различные теоретические приоритеты ученых будут различать природу их собственной оценки, а также среды, используемые для достижения этой оценки. Поэтому мы видим, что тезис о наблюдении создает предпосылки для существования различных научных приоритетов. И именно в рамках намерений социальных исследований науки, анализа этих различий в рамках определенных научных практик.

Эмпиризм

На основе позитивистской эпистемологии закладывается эмпирическое наблюдение (критерии верификации), которое формируется экспериментальным методом. Самоочевидное признание положительного характера опыта как исключительного критерия истины является характерной чертой позитивизма во всех формах греческой и западной философской традиции. Карл Поппер в 1930-х годах выступил против позитивистской верификации и отверг индуктивный метод. Чтобы найти выход из тупика индуктивизма, он представил альтернативный метод вывода, который заменяет принцип верификации принципом фальсификации [2]. Эпистемологический метод Карла Поппера, основанный на предположениях и формулировках, также известен как фальсификационизм, или метод проб и ошибок. В этом методе наука не начинается с наблюдений для того, чтобы пройти путь индуктивных умозаключений, согласно индуктивистской позиции. В отличие от позитивистского взгляда, он исходит из определенных гипотез, которые подвергаются эмпирической проверке, и ученые пытаются переформулировать их, сохраняя критическую позицию в процессе и экспериментируя с альтернативными гипотезами. Так, вместо индуктивного метода, Поппер предлагает дедуктивный (от общего к частному) через процесс фальсификации (опровержения) гипотезы (или гипотеза).

Научная теория, которая выживает после значительного количества критических исследований и эмпирических тестов, может быть принята на временной основе, а не навсегда, до тех пор, пока не придет время какого-нибудь будущего теста, который ее свергнет. Другими словами, для Поппера никакая теория не поддается проверке, она может иметь только высокую степень эмпирической силы, что подразумевает, что все научные теории в принципе фальсифицируемы. Кроме того, существует много теорий, которые продолжают признаваться, несмотря на то, что их обоснованность уже серьезно оспаривается. Примером таких теорий может служить ньютоновская механика. Теория Ньютона имела чрезвычайное согласие с наблюдением и экспериментом во время своего появления (1687) до 1900 года. Но в первые двадцать лет XX века его обоснованность была поставлена под сомнение с новой точки зрения релятивистской механики [5], однако не была оставлена без внимания. Аналогичная ситуация существует для евклидовой геометрии, которая считается действительной для Земли, но не для Вселенной.

Объективность ценностного безразличия

Наука, с точки зрения позитивизма, не должна заниматься какими-либо ценностными суждениями об объекте исследования. Это объективная деятельность, лишенная какой-либо социальной или моральной ценности. Его миссия состоит в том, чтобы сосредоточиться только на эмпирических фактах, из которых, как полагают позитивисты, никакие ценности не могут быть получены. Кроме того, поиск объективной истины с единственной целью эмпирической проверки, независимо от морали и собственной совести. Генеалогия вышеприведенного аргумента восходит к английскому эмпиризму Инициалы Юма и к различию между фактами и ценностями, которое он ввел в дискуссию о знании. Абсолютное разделение между фактами и ценностями имело близкое сходство с реалистической теоретизацией внешнего взгляда «со стороны Бога». Вся греческая и западная метафизическая традиция основывалась на твердой вере в то, что ум отражает независимый внешний мир, что утверждения (суждения) знания основаны на мире и что объективность суждений понимается через призму вечности. Однако в современной мысли ум не представляет пассивно независимого, статичного и концептуально детерминированного мира, функция ума состоит в активном вмешательстве, преобразующем этот «мир», и этим действием ум преобразует и себя в непрерывном взаимодействии. Мир «по своей сути» определен и неопределен, он допускает неограниченное количество определений. Претензии на знание сплетаются в контексте «жизненного мира» человеческих субъектов в данный исторический период. Таким образом, утверждения о знании имеют исторический и временной характер, и таким образом оспаривается концепция мира, рассматриваемого под призмой вечности. Взгляд на абсолютную теоретизацию мира и эпистемологическое утверждение универсальной истины еще более деконструируется развитием современной физики, которая признает, что любая теория является перспективной.

Из этого анализа мы видим, что традиционный фундаментализм и сведение к конкретным убеждениям были серьезно подорваны. Признается, что интенциональная деятельность сознания однородна, социально и исторически детерминирована, и поэтому различие «факты-ценности» становится скорее логическим различием, чем родовым или причинным. Иными словами, сегодня для нас важен не онтологический, а аналитический характер этого различия. В сущности, это конец метафизического и идеалистического разделения между «бытием» и этикой в сфере онтологии (в которой «бытие» было автономно субъекту), однако это разделение сохраняется как методологический принцип философского и научного мышления.

Инструменталистские знания

Эмпирическое взвешивание теории по позитивизму автоматически приводит к инструментальному пониманию науки. Наука, таким образом, понимается как полезный инструментарий, который может быть одинаково хорошо применен к различным случаям. Акцент на инструментальную и, следовательно, нейтральную роль науки скрывает политически консервативную и анахроничную позицию, которая выступает за превосходство науки по отношению к другим формам познания и легитимирует обращение к доминирующему положению профессиональных и институциональных органов специалистов науки, продвигая в процессе идеологию правящего класса и его собственные интересы. Инструменталистский взгляд на науку основан на идеологическом инвестировании зрелого рационализма, который нацелен на достижение целей и увеличение власти в рамках буржуазной культуры и ее механизма капиталистического управления, а не на создание ценностей, которые стремились бы к расширению человеческой солидарности, межсубъективного сознания и взаимопонимания.

Каковы объективные критерии, с помощью которых мы будем оценивать превосходство научного знания над другими формами знания? Какой бы критерий мы ни использовали, он сам будет критически зависеть от требований знания, придающих ему смысл; на данный момент нет объективных и нейтральных критериев оценки любой формы знания. Любая попытка защитить верховенство определенной формы знания маскирует волю к власти и авторитету. Многообразие форм познания и языковых форм, их обозначающих, носит не онтологический, а аналитический характер, и об этом говорят, потому что все формы познания и специфические типы языка, их характеризующие, являются символическими конструкциями-классификациями, а не объективными фактами природного мира. Любая форма знания и языка сводится к определенному способу исследования мира и имеет свою собственную самореферентную структуру, свою внутреннюю логику.

Критериями диверсификации является цель, к достижению которой стремятся эти формы, и средства, с помощью которых они это делают. Кроме того, стоит подчеркнуть, что преобладание научной модели приводит к понижению до уровня неистинности всех других возможных способов

познания, кроме тех, которые согласуются с методом науки. Метод – это интеллектуальная и экспериментальная конвенция, которую субъект применяет к определенному объекту, производя таким образом результат, который оценивается как истинный. Эстетическая совесть и искусство, например, обладают свободой не быть классифицированными как истинные или ложные, и поэтому их последующие суждения не могут быть опровергнуты или отвергнуты. Эти суждения, однако, обязательны для лиц, участвующих в их жизненном мире, и, что более важно, эти суждения не несут никакой интенциональности. В искусстве, субъект формирует объект и ретроспективно, формируют объект. Таким образом, чувство отношения является конструктивным элементом не только онтологии искусства и эстетики, но и современной онтологии науки.

Эпистемологические проблемы современного научного знания

Коперниканский переворот, о котором рассуждает Кант во втором издании «Критики чистого разума», предполагает накопительное развитие знания, представление о том, что человеческое знание развивается и прогрессирует линейно [4]. С другой стороны, критика, обращенная к этой позиции, рассматривает любую философскую и научную революцию как просто иную форму знания, необязательно высшего характера. Философские аргументы, которые были выдвинуты в защиту вышеуказанного утверждения, сформулировали релятивистскую теоретизацию знания и могут быть обобщены следующим образом: а) опыт и данные наблюдений, а также экспериментальный результат – это теория.

б) асимметрия научных теорий. Объективное сравнение двух теорий предполагает существование языковой среды, в которой излагаются их положения. Однако развитие языка влечет за собой соответствующие изменения в языке, используемом для формулирования научных теорий, что приводит к асимметрии между языками, используемыми учеными в разные исторические периоды. Таким образом, некоторые предложения предшествующего языка невозможно сформулировать в соответствии с терминами и условиями последующего языка, и в этом смысле невозможно охарактеризовать их апостериори как истинные или ложные.

в) положение о недетерминированности теории, т. е. положение о том, что данные наблюдений и эмпирические наблюдения в целом не определяют в одностороннем порядке одну и ту же научную теорию. Существует множество теорий (по существу бесконечных), совместимых с конечным количеством данных. Это явление, с которым мы часто сталкиваемся в научной практике.

г) позиция Дуэма-Куайна, согласно которой наблюдение и эксперимент управляют набором гипотез и теорий, но никогда не изолированной гипотезой. Когда экспериментальные результаты противоречат набору исходных гипотез, которые формируют этот результат, мы знаем, что одна или несколько из них ложны. Однако мы не можем точно знать, какой именно. В этом случае мы можем изменить некоторые из этих гипотез, чтобы восстановить соответствие между наблюдением и теорией. Это дает нам возможность сохранить гипотезу, которая на первый взгляд кажется фальсифицированной наблюдением и экспериментом.

Релятивистская теоретизация философии науки проблематизировала и поставила под сомнение веру в то, что сравнительная оценка научных теорий управляется объективными критериями, а также подчеркнула важность нерациональных сил в игре при «построении» научной теории. Допущение субъективного, случайного и случайного элемента при формулировании научной теории не приводит к отказу от понятия научной рациональности; тем не менее, это смягчает крайнюю рациональную веру в линейный прогресс науки, который ведет к единственной истине, к созданию уникальной теории, которая представляла бы «взгляд из ниоткуда» (Томас Нагель) [8]. Но также и крайняя релятивистская убежденность в отсутствии прогресса может быть эмпирически опровергнута тем фактом, что научные теории и рациональные процессы, которые их создают, приводят к проверяемым проекциям. Эффективность научных теорий широко заметна благодаря их технологическому применению, которое приводит к трансформации природы. Если бы эффективность научных теорий не достигалась также и рациональными методами, мы, несомненно, говорили бы о необъяснимом чуде. Как мы видим в предыдущем обсуждении, история и философия науки характеризуются опровержением в той же мере, что и утверждением: противоположно положению о существовании интерсубъективных и вечных критериев/ценностей, управляющих научной деятельностью, лежит тезис, который поддерживает современное, локальное и субъективное выражение всех этих критериев.

Рациональность научной мысли, которая оправдывает непрерывное развитие научно-технического прогресса, сталкивается с нерациональным и условным, с антиэволюцией научного прогресса. Указанные антитезы приобретают смысл в рамках формально-догматического ядра разума (метафизического происхождения), противостоящего рациональному и нерациональному элементу

человеческого познания, необходимости-случайности, неожиданному и интеркалярному элементу. Онтология-метафизика, установленная современной философией природы, является реляционной (единообразной и дифференциальной), и в этом смысле вышеупомянутые антитезы отвергаются: необходимость и непрерывность, случайность и прерывность, причинность и нормальность, неопределенность и случайность, актуальность и универсальность, синхронность и диахронность – все они дополняют друг друга и объединяются в открытое единство, спирально разворачивающееся из панхроничности мира. Более того, критика, возникшая в контексте реляционного убеждения в знании, восстановила и утвердила нерациональное измерение познания в качестве формирующего агента научного открытия. Воображение, интуиция, инстинкт, эмпатическое понимание опыта или психологический элемент вместе с рациональным превосходят платоновскую и картезианскую метафизику тела и ума и выделяют единообразную и дифференцированную работу мысли: телесность, эмоции и ощущения, интуиции и озарения, способности воображения, рациональная и рефлексивная сила, личное переживание опыта и испытания практики – все это составляет одно, что является радикальным воображением, что составляет условие существования и предпосылку человеческой деятельности.

Вышеприведенное критическое изложение влечет за собой отмену гуманистической веры, характеризующей мысль Гегеля и Канта, то есть убеждения в том, что эпистемический и эпистемологический прогресс принесет также социальный и исторический прогресс. У современных мыслителей убежденность в эволюционной и прогрессивной природе знания, а также опора на непрерывное нравственное совершенствование человечества решительно отвергаются. Конечно, убеждения гуманистической традиции, связанные с эволюционной и линейной природой знания, основаны на ньютоновской детерминистской физике, провозгласившей линейное и однозначное понятие времени. Убежденность в эволюционном и прогрессивном характере научного знания питала надежду на социально-исторический прогресс и освобождение человека от психологического и социального рабства, как они формировались в рамках мифорелигиозного образа мира, а также освобождение от ограничений природы. Деконструирующий и демистифицирующий эффект научной речи, рациональная интерпретация, организация и перестройка естественного мира, мира, допускающего бесконечное и неисчерпаемое определение, привели к разрыву с первобытным отношением человека к природе и отказу от непосредственности и натурализма жизни.

За метафизической антитезой техники и искусства

Этот новейший человек XXI века является отрезанным от порядка природы и зарекомендовал себя как рационально размышляющий и действующий, именно размышление и действие сейчас лежат в основе отношения субъекта и его познавательной и практической деятельности. Цивилизация конституируется как продукт человеческой деятельности, как артефакт и технический конструкт. С этим развитием человеческая цивилизация трансформируется в «квази-природу», стремящуюся исправить и заменить природу настоящую, а сам человек принимает природу технического существования. Под «техническим существованием» понимается преобладание одномерного образа человеческой личности как производителя рациональных гипотез и интерпретаций, понижение и деградацию нерационального элемента человеческого существования, то есть радикального воображения как творческой способности, формирующей априорное условие и предпосылку социальной активности. Этот конституитивный элемент современного мира (человек как производитель рациональных гипотез) и его связь с идеологией технонаучного прогресса и эволюцией машины, преобразующей методы и теории естественных наук, вооружая их новыми инструментами и постоянно обновляя их исследовательские и экспериментальные возможности, привели, наконец, к замене религиозных и метафизических догм слепой верой в догмат технического и научного прогресса.

Преобладание механистического, материалистического и детерминистского взгляда на мир, введение расчета, измерения и точности в качестве методологических принципов науки, вооруженное постулированием количественно определенных сущностей, сформировало не менее характерную социальную этику. Абстрактные схемы, формалистские методы, универсальные идеи и понятия подчинили все тождественной логике автономного субъективного разума и его основному предикату – интеллектуалистской воле к власти.

Обсуждение

Таким образом, значение научных результатов проведенного исследования состоит в том, что в нем была проанализирована проблема позитивистских подходов к изучению науки, к анализу социальных действий, к взаимосвязи субъекта и объекта в процессе познавательной деятельности. Результатом этого процесса была недооценка или игнорирование отношения и различия между

субъектом и объектом, между разумом и природой, тождеством и инаковостью, субъектом и объектом, всеобщим и частным. Таким образом, однако, разнообразие качеств любого вида устраняется, отличительная особенность инаковости отвергается, непосредственный и вечный, неидентифицируемый элемент отбрасывается. Короче говоря, все, что не могло быть представлено и обозначено в измерении формальной логики интеллекта и характерной повторяемости этой логики, считалось несуществующим, тем, что является строго психодуховным, экстраординарным, уникальным, неповторимым элементом, который дифференцирует человеческие существа, цивилизации и сущности и придает смысл и смысл их существованию. Конечно, метафизическое и идеалистическое различие между «формально-логическим» и «строго психодуховным» относится к более широкой западной метафизико-идеалистической традиции, отличающей материальное от духовного, рационалистическое от темпераментного, технику от искусства, теорию от практики, коллектив от индивида. Это различие проистекает из западной мысли, и ее позитивный элемент, предполагающий, что бытие онтологически определено, управляется имманентной рациональностью, что она полна смысла и допускает тщательную проверку и определение со стороны человеческого разума, имеющего аналогичные характеристики.

Заключение

Из проведенного анализа становится ясно, что наш мир, как его объясняют в контексте натурфилософии, не определен так, как он рассматривался во всей западной метафизической традиции, и техника как полностью рациональная деятельность не способна приобрести глубокое знание своего «субъекта». Напротив, наш мир – это хаос или бездна, радикально неопределенная и неисчерпаемая, создающая способы наделять жизнь смыслом с самого ее начала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Брумберг В. А. Релятивистская небесная механика. М.: Наука, 1972. 382 с.
2. «Бытие и время» Мартина Хайдеггера в философии XX века // Вопросы философии. М.: Наука, 1998. № 1. С. 110–12
3. Дюгем П. Физическая теория: её цель и строение. М.: КомКнига, 2007. 328 с.
4. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
5. Поппер К. Р. Логика научного исследования / Под общ. ред. В. Н. Садовского; Пер. с англ. М.: Республика, 2005. 447 с.
6. Пуанкаре А. О науке / Под ред. Л. С. Понтрягина; Пер. с фр. 2-е изд., стереотип. М.: Наука, 1990. 736 с.
7. Bhaskar R. A Realist Theory of Science. Hassocks (Sussex); Atlantic Highlands (New Jer-sey), 1978. 310 p.
8. Nagel Thomas. The view from nowhere. New York, Oxford: Oxford University Press, 1986. 288 p.
9. The Philosophy of W. V. Quine. La Salle, Illinois: Open Court, 1986. P. 649–662.

References

1. Brumberg V. A. Relativistic celestial mechanics. [Relyativistskaya nebesnaya mehanika]. Moscow. Science. 1972. 382 p.
2. "Being and time" by Martin Heidegger in the philosophy of the twentieth century // Questions of philosophy. [«Bitie i vremya» Martina Haideggera v filosofii XX veka // Voprosi filoso-fii]. Moscow. Science. 1998, no 1. pp. 110-122.
3. Dugem P. Physical theory: its purpose and structure. [Fizicheskay teoria: ee cel' i stroenie]. Moscow. Komkniga. 2007. 328 p.
4. Kant I. Criticism of pure reason. Russ. ed.: N. Lossky. [Kritika chistogo rasuma]. Moscow. Thought. 1994. 591 p.
5. Popper K. R. The logic of scientific research. Russ. ed.: V. Sadovski. [Logica naychnogo issledovaniya]. Moscow. Republic. 2005. 447 p.
6. Poincare A. About science. France. 1905. Russ. ed.: L.S. Pontryagina. Onayke. Moscow. Science. 2nd ed. 1990. 736 p.
7. Bhaskar R. A Realist Theory of Science. Hassocks (Sussex); Atlantic Highlands (New Jer-sey). 1978. 310

р.

8. Nagel Thomas. The view from nowhere. New York, Oxford: Oxford University Press. 1986. 288 p.

9. The Philosophy of W. V. Quine. La Salle, Illinois: Open Court, 1986. pp. 649-662.

MODERN APPROACHES TO THE CRITIQUE OF POSITIVISM

**POCHEBUT
STANISLAV**

*Senior Lecturer,
Saint-Petersburg Electrotechnical University
«LETI» (ETU), Department of Philosophy,
Saint-Petersburg, Russia, sniper2711@yandex.ru*

Keywords:

positivism
empiricism
logic
objectivity
value
epistemology
metaphysics
social action
determinism

Summary:

Modern epistemology of science has carried out a strong criticism of the dominant views of the positivist and neo-positivist model of knowledge and actually undermined its authority. At the turn of several centuries, the positivist position has been experiencing significant theoretical and methodological difficulties in explaining the nature of social life and the prospects for socio-historical development. Because of this, the study of modern approaches to criticism of such areas as positivism, with a special indication of the importance of social and humanitarian knowledge for understanding the processes taking place in modern society, is of particular importance. The present research is based on the accepted in social philosophy analysis methods of primary sources and re-search literature. Over a long period of time, the predominance of the mechanistic, materialistic and deterministic view of the world, the introduction of calculation, measurement and accuracy as the basic methodological principles of science, armed with the postulation of quantitatively defined entities, formed no less characteristic social ethics. Abstract schemes, formalist methods, universal ideas and concepts subordinated all to the identical logic of the Autonomous subjective mind and its basic predicate – the intellectualist will to power. The twenty-first century, together with its strong criticism of positivism in many of its manifestations, clearly proves to us, through a profound analysis of positivist approaches, that the reality around us is much closer to chaos than to space. Thus, the result of the study is the designation of the special importance of social and humanitarian knowledge in the XXI century for the study of the processes taking place in society, while recognizing the inability of the exact Sciences to describe social actions. Being opposite in the method of approaches to the study of society, they coincide in the goal, which is to achieve a state of non-duality – the lack of separation into the subject and the object of the exhaustion of self. The author considers such experience to be the limit for human existence simultaneously with the statement of its chaotic and non-deterministic nature in development.

УДК 130.2:314.743

СОВРЕМЕННАЯ ПОП-КУЛЬТУРА: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, ЭСТЕТИКА

**ДЕМИДОВА
ОЛЬГА
РОСТИСЛАВОВНА**

*доктор философских наук,
профессор,
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный
университет им. А. С. Пушкина», кафедра
философии,
Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация,
ord55@mail.ru*

**РЕЗЕНЬКОВ
ВЛАДИСЛАВ
ЕВГЕНЬЕВИЧ**

*студент бакалавриата 2-го курса,
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный
университет им. А. С. Пушкина», факультет
философии, культурологии и искусства,
Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация,
vladrezekov@gmail.com*

Ключевые слова:

массовая культура
поп-культура
масса
элитарная культура
классическая культура
традиционная культура
общество потребления
культура потребления
коммерциализация культуры
кинематограф
культурная индустрия
мода

Аннотация:

Статья посвящена осмыслению поп-культуры как феномена современности. Исследуется развитие представлений о поп-культуре, ее связь с «массой», с системой ценностей молодого поколения техногенной эпохи, а также с определяющим суть этой эпохи техническим прогрессом. На основе со- и проти-вопоставления произведений массовой культуры с произведениями классической культуры исследуется структура поп-культуры и ее связь с промышленным производством, задающим стандарты общества потребления. Рассматривается роль кинематографа в формировании, развитии и функционировании поп-культуры и кинопродукт как вершина массовой культуры. Одним из спектров рассматриваемых проблем является проблема поп-культуры как сферы взаимоотношения между представителями разных культур, вызывающей наименьшее количество конфликтов, а потому способствующей (кажущемуся) сближению различных народов.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 01 декабря 2019 года

Опубликована: 03 декабря 2019 года

Традиционно поп-культуру, или массовую культуру, противопоставляют элитарной, именно из этого противопоставления выводя определение первой. По мнению авторов статьи, основанному на сопоставительном анализе существующих определений этого культур-философского феномена, элитарная культура есть «культура для немногих», для образованных слоев общества, в силу этого обстоятельства позволяющая себе обращаться к сложным проблемам бытия и задаваться непростыми вопросами, имеющая многосмысленный характер и оперирующая внушительным объемом разнообразных значений / смыслов, знаний, культурных контекстов и реалий. Массовая культура, в свою

очередь, есть «культура для большинства», для недалекого и не очень образованного человека, т.е., для человека-массы (термин Х. Ортеги-и-Гассета) с его «низовыми» потребностями. Очевидно, что массовая культура не способна создавать шедевры, так как она неизменно ориентирована на сиюминутные потребности массового человека, в отличие от элитарной культуры, ориентированной на элиту, менее подверженную влиянию жизненных неудобств и потому более склонную задумываться о вечном. Массу в данном контексте воспринимают как нечто «полудикое», необразованное, не способное оценить прекрасное и заинтересованное лишь в тотальном и неограниченном потреблении. Подобное понимание массы складывалось в гуманитарной науке постепенно на протяжении прошлого столетия и окончательно закрепилось в философии Х. Ортеги-и-Гассета, определившего элиту как «меньшинство», как «совокупность лиц, выделенных особыми качествами», а массу – как людей, «не выделенных ничем» [6].

Сопоставляя массу с «избранным меньшинством», философ утверждает, что

«передергивают смысл этого выражения, притворно забывая, что избранные не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно. И конечно, радикальней всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить – это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерасти себя» [6].

Следовательно, представители меньшинства не только обладают выдающимися качествами, но и стремятся превзойти самих себя. Масса, напротив, не стремится ни познавать, ни открывать что-то новое, а лишь пользоваться плодами трудов меньшинства, плыть по течению, которое создают и определяют другие. И в этом, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, заключается базовое феноменологическое и аксиологическое отличие первых от вторых. Примечательно, что схожую позицию до испанского философа занимали А. Шопенгауэр и Ф. Ницше. Первый в своем труде «Мир как воля и представление» пишет о «людях пользы» и «людях гения», т.е. о потребителях и творцах соответственно [8: 325], а второй в книге «Так говорил Заратустра» – о «сверхчеловеке», обладающем выдающимися творческими способностями и эстетической восприимчивостью [5: 7].

Масса пассивна, неспособна к культурному творчеству и лишь потребляет культуру: жадно, нетерпеливо, агрессивно, постоянно требуя все новой и новой «порции» культурной пищи. Однако не каждую культуру можно потреблять: произведения классической культуры требуют принципиально иного отношения. Если, например, попытаться бездумно и поверхностно прочесть пьесы В. Шекспира, романы Ч. Диккенса и Ф. М. Достоевского, «Человеческую комедию» О. де Бальзака, «Войну и мир» Л. Н. Толстого и многие другие шедевры мировой литературной классики, то результат окажется эстетически «нулевым»: формально «прочитанные» тексты по существу останутся для читателя-потребителя закрытыми, «немыми». Классическая культура – это та культура, каждое соприкосновение с которой требует глубокого осмысления, проникновения в заложенные в ней смыслы, со-переживания и проживания текста, музыкальной пьесы, картины или театральной постановки. После того, как мы выходим из театра, концертного зала, художественной галереи или закрываем книгу, магия искусства не заканчивается, и не возникает ощущения, что зритель, слушатель, читатель вновь оказались в обыденном «сером» мире, к которому увиденное, услышанное, пережитое не имеет никакого отношения. Напротив, все только начинается: произведения высокой культуры наталкивают на мысли, погружают в мир, в котором человек будет находиться еще долго после непосредственного соприкосновения с ними.

Причина этого очевидна: автор произведения высокой культуры задает больше вопросов, чем дает ответов, и задает такие вопросы, ответы на которые, предложенные им самим, могут оказаться полностью или частично неприемлемыми для нас, и мы вступим с автором и с созданным им культурным текстом в активный диалог, в ходе которого желание ответить может привести к рождению новых смыслов и, соответственно, нового произведения. Именно таким образом – как последовательный ряд ответов и вопросов, которые задают, предлагая на них различные ответы, авторы в разные эпохи, – развивается культура. При этом и стиль каждого автора, и каждое отдельно взятое творение уникальны, поскольку созданы не по шаблону, а по велению души, следующей голосу Духа.

С массовой культурой дело обстоит иначе: она не требует особенных интеллектуальных и / или духовных усилий, поэтому ее легко потреблять, как любой предназначенный для потребления товар массового производства. Фильмы массовой культуры можно смотреть подряд, без остановки, пока есть время и силы. Не случайно среди фанатов кинофраншиз популярным времяпровождением являются «марафоны», в ходе которых фильмы одного сериала просматриваются в режиме нон-стоп. При этом многосерийность зачастую вредит самим историям, поскольку сюжет произведения исчерпал себя, а

обусловленное успехом первой серии стремление к выгоде заставляет снимать бесконечную череду последующих, в результате чего полностью утрачивается исходный смысл, акцентируются второстепенные детали, а новые серии становятся блеклыми копиями прежних.

Подобное происходит и с бесконечными книжными сиквелами и приквелами. Интересно, что после завершения одного фильма сериала или прочтения одной книги многочастной «эпопеи» у потребителя этой псевдо-художественной продукции немедленно возникает желание просмотреть следующую серию или прочесть следующий том, чему в значительной мере способствует сама эстетическая природа и рассчитанная на принципиальную незавершенность структура произведений массовой культуры. К элементам этой структуры можно отнести клифхенгеры, в которых действие обрывается на самом интересном месте, а истории растягиваются на многие части, что вынуждает потребителя покупать следующие тома и фильмы в надежде узнать, «чем все закончилось». Однако, поскольку сериал есть «нарезанное» на мелкие «кусочки» единое произведение, несовпадение финала каждой части с финалом всей истории порождает ощущение неудовлетворенности, незавершенности, неструктурированности, эмоциональной «серости» мира, после прочтения или просмотра очередной части запускающее механизм безостановочного потребления, на котором и держится феномен массовой культуры.

Х. Ортега-и-Гассета указывает, что масса, довольствующаяся подобным культурным продуктом, исторически складывалась на протяжении нескольких поколений, не знакомых с традиционной культурой:

«Три поколения подряд человеческая масса росла как на дрожжах и, хлынув, затопила тесный отрезок истории.<...> Головокружительный рост означает все новые и новые толпы, которые с таким ускорением извергаются на поверхность истории, что не успевают пропитаться традиционной культурой» [6].

Существенное влияние на численный рост массы и, соответственно, рост доли массовой культуры вплоть до вытеснения ею культуры высокой в Новое и Новейшее время оказали технический прогресс и увеличение материального благополучия широких слоев населения Европы и – особенно – США. Прогресс, скорость развития науки и техники бросали все новые и новые вызовы классической культуре, и ей оказывалось все сложнее отвечать на них, подстраиваясь под новые условия техногенного мира. Материальное благополучие, его рост у огромной массы населения дал право голоса тем слоям общества, которые прежде в силу ограниченности своих финансовых возможностей занимали в социуме подчиненное положение и не могли оказывать решающего влияния на культурную политику. К этим слоям можно отнести и молодежь, традиционно материально зависимую от старшего поколения. Коммерция и промышленность «выдернули» молодых людей из сел и усадеб и привели в города, нарушив их связи с традиционной культурой, дав средства к существованию независимо от старших и одновременно возможности к освоению новых форм культуры, отличных от «старой».

В результате сложился новый социокультурный и антропологический феномен – масса, лишь косвенно знакомая с традиционной культурой, но при этом активно пользующаяся ее плодами без стремления проникнуть в их суть и историю. В качестве примера можно привести появление многочисленных музыкальных групп в России и за рубежом, исполняющих песни по древним мотивам, так называемый фолк-рок. Очевидно, что подобные продукты массовой культуры появились в связи с запросом общества, проявившего интерес к архаическим культурам. Однако остается открытым вопрос, пойдет ли массовый потребитель дальше в своем желании познать древние культуры или удовлетворится прослушиванием фольклорных музыкальных композиций в современной обработке.

Позволительно предположить, что, коль скоро массы пренебрегают всеми тонкостями культуры и обращаются к ней лишь для удовлетворения своих потребностей, то и массовая культура, ориентированная на эти массы, будет паразитировать на достижениях элитарной культуры и пользоваться ее плодами, когда ей это выгодно. Именно об этом говорит В. Беньямин в своей работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости»:

«Страстное стремление “приблизить” к себе вещи как в пространственном, так и человеческом отношении так же характерно для современных масс, как и тенденция преодоления уникальности любой данности через принятие ее репродукции» [1: 24].

Слово «выгодно» в данном случае вполне закономерно: поскольку произведения массовой культуры существуют не для принесения в мир прекрасного, у них должна быть некая иная функция и цель. И этой целью становится выгода – происходит коммерциализация культуры: прибыль берет на себя основную функциональную нагрузку, превращаясь в один из решающих факторов при создании произведений массовой культуры.

Масса задает спрос на соответствующий тип культуры, «облегченный» как для восприятия, так и для производства и тиражирования. Спрос, как известно, рождает предложение – в результате складывается культурная индустрия, впервые сделавшаяся предметом философского анализа в «Диалектике просвещения» Т. Адорно и М. Хоккаймера, описавших и проанализировавших такие особенности массовой культуры как тиражируемость, коммерческая направленность, стилизация и однообразность. Особое внимание авторы уделяют кинематографу, на примере которого раскрывают специфику культурной индустрии как машины по производству продуктов, иллюзорно разнообразных, но по существу являющихся мультиплицированием самих себя, ср.:

«Детали становятся взаимозаменяемыми. Короткие серии интервалов в шлягере, столь запечатлевающиеся в памяти, скоропреходящее посрамление главного героя, которое он умеет переносить шутя, идущая лишь на пользу трепка, задаваемая любовнице сильной рукой являющейся воплощением мужественности звезды, его суровая непреклонность в отношениях с избалованной наследницей — всё это, как и прочие подробности, суть не что иное, как готовые клише, всё равно здесь ли там ли употребляемые, и в каждом отдельном случае всецело определяющиеся целью, объединяющей их в схему» [7: 155].

Ср. мнение А. В. Костиной:

«Для искусства массовой культуры уникальность и оригинальность не являются атрибутивными признаками, оно оперирует понятиями серии, рубрики, цикла, опирается на принцип стереотипизации и признает правомочность существования в качестве эквивалентных копии и оригинала» [4: 28].

Очевидно, что кинематограф в силу самой своей природы и предоставляемых ею возможностей является наивысшей точкой развития культур-индустрии. С одной стороны, кинопродукт обладает наибольшими возможностями тиражирования: один экземпляр фильма удовлетворяет наибольшее количество потребителей; с другой – кинопродукт требует наименьшего интеллектуального усилия (разумеется, это не относится к авторскому кино, справедливо причисляемого к высокому искусству).

Можно заметить, что производство массовой культурной продукции существенно интенсифицируется по мере развития технологий. Новейшие достижения научной и технологической мысли связывают людей, что облегчает обмен данными, интересами, распространение моды, делая массовую культуру все более прибыльной. Это подтверждают и исследования М. Кастельса, отмечающего, что информационные технологии, в частности Интернет, сделали возможным «общение многих людей со многими другими в глобальном масштабе» [3: 15]. Следует отметить, что развитие IT-технологий в области досуга и развлечений оправдано, как минимум, отсутствием на этом пути серьезных препятствий, связанных с различиями в вероисповедании, образовании и культуре различных культур-потребителей, коммуницирующих друг с другом и проводящих время на одних и тех платформах и пользующихся одними и теми же программами и социальными сетями.

Вместе с тем, ставка на технологии имеет для поп-культуры и негативные последствия. Во-первых, технологии недолговечны и с течением времени устаревают, сменяясь новыми и технически более совершенными: например, спецэффекты в кино, которые раньше поражали воображение, сегодня вызывают у зрителя смех и недоумение. Во-вторых, меняются сами массы, и техническое устаревание усугубляется моральным. Коммерчески ориентированная поп-культура как дитя своего времени слишком привязана к моменту своего создания и к тому потребителю, для которого создавалась. Постоянная смена поколений позволяет получать нескончаемый поток прибыли, производя все новую продукцию по одним и тем же шаблонным рецептам, однако при подобном подходе массовая культура может перестать выполнять одну из важнейших культурных функций – осуществление связи между поколениями.

С другой стороны, сочетая поп-культуру с высокой культурой, возможно создавать произведения, способные привлечь внимание современной публики к событиям прошлого. Успешным примером такого синтеза является, например, американский мюзикл «Гамильтон» (2015), о котором Дж. Сеймур пишет:

«"Гамильтон" был объявлен как революционная постановка для Бродвея, с актерами различных наций и использующий современные музыкальные стили, такие как рэп, хип-хоп и джаз. Это один из самых популярных и успешных мюзиклов за последнее время, вдохновлённый жизнью и историей американского отца-основателя Александра Гамильтона. Одна из ключевых тем в мюзикле <...> – тема наследия» [10: 1].

Представляется, что при подобном синтезе поп-культура может превратиться из развлекательного шоу в искусство, соединяющее достижения современности с проверенными временем классическими методами и таким образом осмысляющее мир.

Смена поколений является и тем фактором, в силу которого поп-культура чаще всего

ориентирована на молодых людей. С возрастом человек приобщается к тем произведениям культуры, которые могут отвечать на более сложные экзистенциальные вопросы. Кроме того, взрослый человек меньше зависит от общественного мнения, тогда как молодёжь мало интересуют философские проблемы бытия, и она больше нуждается в общественном одобрении и принятии своими сверстниками, поэтому легче поддается влиянию задаваемой поп-культурой моды. А мода позволяет получать все новые и новые потоки прибыли. По мнению Г. Дебора, «стиль одежды возникает из фильма, журнал создает имя клубам и обществам, а те вводят в моду различные наборы товаров» [2].

У поп-культуры намного больше общего с фабрикой, чем может показаться на первый взгляд. Фабрика удовлетворяет основные нужды населения. И пусть фабричная обувь уступает по качеству и по красоте обуви, изготовленной именитым мастером вручную, количественно фабрика вне конкуренции. С точки зрения сугубо функциональной массовая культура вполне с нею сопоставима, удовлетворяя те потребности, которые классическое искусство удовлетворить не в силах. И, поскольку современное массовое общество есть общество потребления, массовую культуру вполне допустимо назвать культурой современной.

Тем не менее, при всей своей кажущейся примитивности и простоте массовая культура представляет собой достаточно сложное и противоречивое явление. Так, с одной стороны, она создает как будто бы непреодолимые барьеры между поколениями, однако с другой, является переговорным полем, нейтральной территорией, на которой представители разных культур и разных поколений могут взаимодействовать друг с другом, приходиться к взаимопониманию на основе популярной культуры, в глобальную эпоху в значительной мере являющейся общемировой. Трудно не согласиться с утверждением К.Л.Д. Рейнхард:

«В мире, полном религиозных и политических разногласий, где людям тяжело общаться из-за различия убеждений и понятий, популярная культура становится тем средством, с помощью которого люди могут наладить коммуникацию и вести переговоры на темы, не вызывающие такого количества противоречивых эмоций, как религия и политика» [9: 2].

1. Беньямин В. Избранные эссе. М.: МЕДИУМ, 1996. 240 с.

2. Дебор Г. Комментарии к обществу спектакля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://avtonom.org/old/lib/theory/debord/comments.html?q=lib/theory/debord/comments.html> (дата обращения: 09.10.2019).

3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: Издательство «У-Фактория», 2004. 328 с.

4. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества: Авто-реф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 2003. 35 с.

5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: ООО «Попурри», 1997. 624 с.

6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/348229-vosstanie-mass-sbornik.html> (дата обращения: 09.10.2019).

7. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. М.: МЕДИУМ, 1997. 312 с.

8. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; «Республика», 2001. Т. 2. 560 с.

9. Reinhard Carrie Lynn D. Why Popular Culture Matters // Popular Culture Studies Journal. 2019. – Vol. 7. – № 1. – P. 3.

10. Seymour J. Who Lives, Who Dies, Who Tells Your Story?: Gendered Legacies in Hamilton // Popular Culture Studies Journal. 2019. Vol. 7. № 1. P. 1

References

1. Benjamin V. Izbrannye esse. Moscow, 1996. 240 p. (In Russ.).

2. Debor G. Kommentarii k obshestvu spektaklya. Available at: <http://avtonom.org/old/lib/theory/debord/comments.html?q=lib/theory/debord/comments.html> (ac-cessed 09.10.2019) (In Russ.).

3. Kastells M. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese I obshestve. Yekaterin-burg, 2004. 328 p. (In Russ.).

4. Kostina A. V. Massovaja kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshestva: Avtoreferat dis. ... doctor afilosofskih nauk. Moscow, 2003. 35 p. (In Russ.).

5. Nitsche F. Takgovoril Zaratustra. Moscow, 1997. 624 p. (In Russ.).
6. Ortega-i-Gasset X. Vosstaniye mass. Available at: <https://e-libra.ru/read/348229-vosstanie-mass-sbornik.html> (accessed 09.10.2019) (In Russ.).
7. Horkhaimer M., Adorno T. V. Dialektika prosvesheniya. Moscow, 1997. 312 p. (In Russ.).
8. Shopengauär A. Mir kak volja i predstavleniye // Shopengauär A. Sobraniye sochineniy: In 6 vol. Moscow, 2001. Vol. 2. 560 p. (In Russ.).
9. Reinhard Carrie Linn D. Why Popular Culture Matters. Popular Culture Studies Journal. 2019. Vol. 7. Issue 1. P. 3.
10. Seymour J. Who Lives, Who Dies, Who Tells Your Story? Gendered Legacies in «Hamil-ton». Popular Culture Studies Journal. 2019. Vol. 7. Issue 1. P. 1.

CONTEMPORARY POP CULTURE: PHENOMENOLOGY, AXIOLOGY, AESTHETICS

**DEMIDOVA
OLGA**

*Doctor of Philosophy,
professor,
Pushkin Leningrad State University, Department of
Philosophy,
St. Petersburg, Pushkin, Russian Federation,
ord55@mail.ru*

**REZEN&RSQUO;KOV
VLADISLAV**

*2nd year undergraduate,
Pushkin Leningrad State University, Department of
Philosophy,
St. Petersburg, Pushkin, Russian Federation,
vladrezenkov@gmail.com*

Keywords:

mass culture
pop-culture
mass
elite culture
classic(al) culture
traditional culture
consumer socie-ty
consumer culture
commercialization of culture
cinema
cultural industry
fashion

Summary:

The article discusses pop culture as a modern phenomenon, the authors analyz-ing the notion of pop culture, its connection with «the mass», the axiological sys-tem of the young technological age generation as well as with the technical pro-gress as the basis of the epoch under discussion. Besides, comparing mass culture works (artefacts) with and juxtaposing them to those of classical culture, the au-thors explore pop culture structure and its connection with mass production conditioning the consumer society standards. Among of the foci of attention are the role of cinema in the formation, development, and functioning of pop culture and cinema product as its apex. One of the problems under consideration is that of pop culture as the sphere of different cultures interrelationships causing the least number of conflicts and thus acting as an instrument of the (seeming) cul-tural convergence of the peoples.

УДК 7.046.1

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ НА САМООБРАЗОВАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ КАРЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

**СУВОРОВА
ИРИНА
МИХАЙЛОВНА**

*доктор культурологии,
профессор,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
кафедра философии и культурологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
suvormih@list.ru*

Ключевые слова:

самообразование
социокультурная ситуация
жители Карелии
человеческий капитал

Аннотация:

В статье анализируется проблема самообразования населения трех регионов Карелии с точки зрения экономических и культурно-исторических аспектов жизни социума. Материалом для культурологического анализа послужили результаты полевых исследований, полученных в ходе научной экспедиции в Кемский, Лоухский, Сортавальский, Лахденпохский, Питкярантский районы и Костомукшский городской округ. В качестве методологии исследования использовался комплексный культурологический подход, обусловленный междисциплинарным характером заявленной проблематики. В качестве научного инструментария использовались социологические, экономические и психологические опросники, анкеты, интервью разного уровня, фокус-группы по тематике исследования. В ходе анализа эмпирических результатов данного исследования выявлен комплекс социокультурных факторов, влияющих на потребности и возможности самообразования жителей Карелии из разных районов, а также сделан вывод о взаимосвязи экономического и географического факторов как определяющих уровень самообразования населения.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 01 декабря 2019 года

Опубликована: 03 декабря 2019 года

Тема влияния социокультурной ситуации на самообразование населения связана с актуальными проблемами Карелии, а конкретно – с проблемой сохранения человеческого капитала на территории республики. Поскольку миграционная убыль населения республики по статистическим данным Карелиястат [12] в последнее время продолжает расти, то логичным представляется анализ причин данной динамики и поиск выхода из сложившейся ситуации на примере выявления связи между социокультурной ситуацией отдельного района и уровнем самообразования как способа сохранения человеческого капитала. С обывательской точки зрения, причинность миграционной убыли населения Карелии связывается преимущественно с экономическими и внутривнутриполитическими аспектами, однако с научной точки зрения такой подход является неполным и недостаточным, поскольку только

комплексное междисциплинарное исследование способно объективно выявить причинно-следственные связи, а главное – обнаружить потенциал для сохранения человеческого капитала на территории республики.

Важным моментом является понимание человеческого капитала как объема вложений в образование и самообразование, воспитание, здравоохранение, профориентацию, культуру, а также потребительские нужды населения. Исследователи по данной теме в большинстве своем связывают проблему сохранения человеческого капитала в России с миграционными процессами, типичными для Европы: «Согласно количественным демографическим прогнозам Госкомстата РФ и Cedefop тренды для России и ЕС очень схожи на период до 2030 года. Согласно прогнозу Госкомстата России, население страны к 20130 году сократится на 3 миллиона (со 142 до 139 миллионов), в то время как население ЕС сократится на 20 миллионов (с 308 до 288 миллионов)» [14: 3]. Тем не менее, понятие человеческого капитала, укоренившееся в современной науке в XX веке благодаря Т. Шульцу, Г. Беккеру, Л. Туроу, Дж. Кендрику и др. среди зарубежных исследователей, имеет многофакторную структуру. Так Ю. А. Корчагин включает в это понятие «ментальность населения, качество и этику труда, качество и этику предпринимательства, качество элиты, образовательный потенциал, креативность элиты и народа, здоровье народа, накопленные знания и их качество, инновационный потенциал, качество жизни и условия реализации личности, приток и отток населения, отношения государства и народа», связывая эти компоненты в формулы для оценки коэффициента качества человеческого капитала [9: 61]. Подобный позитивистский подход к оценке человеческого капитала свойственен экономистам [6] и является удобным средством научной аналитики. Однако решение проблемы в виде обнаружения способов сохранения человеческого капитала в большей мере связано с нематериальной культурой, которая «вариативна, подчас спонтанна, локальна и требует особого подхода» [18: 21].

Подобную практику в современной отечественной науке осуществляют ученые разных отраслей: в социологии И. А. Крутий и О. В. Красина [10], в экономической психологии Я. М. Рощина [16], в психологии И. Н. Семенов [17], А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, в политической психологии А. И. Юрьев, А. В. Селезнева, Е. П. Добрынина, И. С. Бурикова [13]. Но поскольку само понятие человеческого капитала является многофакторным, то его изучение должно быть не только междисциплинарным, но и комплексным. «Всестороннее изучение человеческого капитала направлено на рассмотрение междисциплинарных проблем с сопутствующим использованием положений, методов и результатов исследований, накопленных различными науками. Это позволяет выявить определенные закономерности. Экономике, в частности, присущ одномерный подход к человеческому поведению; экономическая психология же рассматривает человеческий капитал гораздо более объемно, обращая внимание на проблемы восприятия, психологических закономерностей поведения и т.д., что, в свою очередь, позволяет эффективно управлять им на макро-, мезо- и микро-уровнях и снизить риски инвестирования» [2: 78].

В современной отечественной науке региональным проблемам сохранения человеческого капитала уделено достаточно внимания [3]. Однако в отношении социума Республики Карелия подобное исследование было проведено более 13 лет тому назад (его результаты опубликованы в монографии «Социокультурный портрет Республики Карелия» в 2013 году) [19], и не включали такой важный аспект сохранения человеческого капитала как самообразование.

Проблема самообразования взрослого работоспособного населения приобрела особую актуальность в современном постиндустриальном обществе за счет процессов глобализации и информатизации. «Залогом профессионального успеха уже не могут служить полученные один раз в жизни знания. На первый план выходит способность людей ориентироваться в огромном информационном поле, умение самостоятельно находить решения и их успешно реализовывать» [8: 204]. При непосредственной связи с образованием собственно самообразование предполагает личную заинтересованность, мотивированность, самостоятельность и ответственность за процесс и результаты, что в свою очередь активизирует рефлексивную деятельность.

Сущность самообразования сводится к возможной самореализации человека в разных направлениях с учетом его индивидуальных особенностей и способностей. При условии системности и непрерывности самообразование является важнейшим аспектом саморазвития и самосовершенствования личности в условиях осуществления свободы выбора. В современной ситуации информационного общества свободный и широкий выбор интерактивных курсов, проектов и программ для самообразования способен удовлетворить любой познавательный интерес профессиональной и непрофессиональной направленности. Таким образом, в начале XXI века благодаря информационно-коммуникативным технологиям самообразование представляет собой массовое

социальное явление и вполне может конкурировать с институализированным образованием.

Особенно актуальным становится самообразование в условиях конкуренции на рынке труда и адаптации к прогрессирующим коммуникативным технологиям. Одновременно познающий субъект сталкивается и с широкими возможностями и с ограничениями коммуникативно-познавательной сферы: ускоренный прирост новых знаний и быстрое устаревание информации; наличие широкого информационного пространства и необходимость верифицировать информацию; существование многообразия источников информации и необходимость умения их дифференцировать в зависимости от целей и задач самообразования. Все эти навыки и умения познающий субъект самообразования формирует по ходу процесса и под влиянием той социокультурной ситуации, в которой пребывает.

Собственно социокультурная ситуация является одним из определяющих факторов самообразовательной деятельности современного человека, поскольку содействует формированию его аксиосферы на уровне духовных и материальных ценностей. Анализ реальной социокультурной ситуации на уровне факторов внутреннего порядка (социальная динамика, экономическая модель развития, изменения в политическом режиме, государственном устройстве), исторических факторов (национальные особенности культуры, в контексте которых проходило становление нынешних поколений) и фактора влияния глобальных процессов способен выявить главный фактор, определяющий запрос на самообразовательную деятельность наших современников.

Исследование социокультурной ситуации в районах Карелия учеными опорного вуза республики осуществлялось в ходе научно-исследовательской экспедиции по проекту «Способы сохранения человеческого капитала как актуальная проблема Карелии» и привлекло 377 респондентов на севере Карелии и 284 респондента в южных районах республики из числа местных жителей.

Эмпирические данные были получены в результате применения комплексной методологии культурологии, социологии, экономики, истории, лингвистики, психологии и аксиологии. В ходе работы со взрослым населением карельской Арктики (Кемский и Лоухский районы), северного приграничья (Костомукшский городской округ) и карельского Приладожья (Сортавальский, Лахденпохский и Питкярантский районы) были использованы фокус-группы по тематическим кейсам (история, социология), стандартные и нестандартные опросники (социология, психология, экономика), описание и интерпретация представлений человека, его реакций и оценок по проблемной теме (лингвистика, психология), интервью (история, социология), анкетирование (социология, экономика), факторный анализ, статистический и нормативный методы (экономика).

В ходе камеральной обработки полученных эмпирических данных оказалось возможным верифицировать предполагаемую гипотезу относительно главного фактора, определяющего уровень самообразования жителей республики.

Обсуждение характеристики социокультурной ситуации всех трех регионов Карелии необходимо начать с первого фактора внутреннего порядка, а конкретно политического режима и государственного устройства. Необходимо отметить идентичность этого показателя, так как все рассматриваемые территории находятся в одном государстве в одинаковых условиях. Географический фактор удаленности от столицы республики города Петрозаводска в данном случае может быть принят во внимание, так как из всех рассматриваемых районов карельское Приладожье оказывается приближенным не только к Петрозаводску (220 км), но и к Санкт-Петербургу (270 км), в отличие от северных районов, удаленных соответственно на 470 км (Костомукша от Петрозаводска) и 550 км (Лоухи от Петрозаводска). Близость Сортавальского, Лахденпохского и Питкярантского районов к двум столицам является противоречивым фактором: с одной стороны это обеспечивает широкий культурный обмен и доступность культурной инфраструктуры, с другой стороны содействует мощной трудовой миграции трудоспособного населения за пределы республики. Так по данным органов местного самоуправления трудовая миграция Питкярантского муниципального района за последние 5 лет составила 1498 человек при 17390 проживающих на январь 2019 года, а в Сортавальском муниципальном районе 1286 человек при 30914 проживающих на январь 2019 года. В то время, как в Костомукшском городском округе за последние 5 лет по данным органов местного самоуправления наблюдается не убыль, а прибыль населения на 295 человек при 29871 проживающем на январь 2019 года. По состоянию на январь 2019 года средний возраст жителя Костомукши составляет 40 лет (по данным издания «Республика») [22] при постоянно проживающих 29871 жителей (по данным местного отделения ЗАГСа на январь 2019 года), чего не обнаруживается в статистических данных по другим городам Карелии, которые имеют значительно «старшее» население. Таким же важным географическим фактором является близость Костомукши и Сортвала к финской границе, что содействует определенной идентичности социокультурной ситуации этих двух районов.

В сравнении с другими муниципальными районами Карелии по демографической ситуации Костомукшский городской округ является единственным районом с положительной динамикой роста населения. Вероятно, существует определенный фактор, содействующий данной динамике. В ходе проведения комплексной научно-исследовательской экспедиции в Костомукшский городской округ были выявлены особенности социокультурной ситуации этого района.

Город Костомукша находится в 30 км от финской границы и является единственным в России городом-символом советско-финской дружбы, построенным в конце XX века как промышленный моногород с крупнейшим горно-обогатительным комбинатом. Сегодня по статистическим данным ПАО «Северсталь», куда входит комбинат «Карельский окатыш», занимает 11 место в рейтинге крупнейших компаний России по объему реализации продукции [15], а «по итогам 2018 года “Карельский окатыш” более чем в два раза увеличил перечисление налога на прибыль в бюджет Республики Карелия. Сумма составила более 2,1 млрд. рублей, сообщает пресс-служба ПАО “Северсталь”» [5]. Притом, что «по итогам 2018 года в карельский бюджет поступило 24,9 млрд. рублей налоговых доходов» [11] всего, примерно десятую часть этих налоговых поступлений обеспечил «Карельский окатыш», что подтверждает значимость этого комбината не только для развития района, но и всей республики Карелия. И, несмотря на то, что Костомукша по статусу является моногородом, этот фактор сказывается позитивно на ее развитии. Этот экономический фактор отражается и в показателях средней заработной платы в Костомукше, которая является самой высокой в республике. Для сравнения средняя заработная плата в 2019 году представлена по сведениям экономических отделов местных органов власти: в Костомукшском городском округе – 68792 руб., в Сортавальском муниципальном районе – 37810 руб., в Питкярантском муниципальном районе – 36567 руб., в Кемском муниципальном районе (Арктическая зона) – 52641 руб.

В других рассматриваемых районах Карелии экономическая ситуация выглядит иначе. По данным местной администрации в Питкярантском муниципальном районе за последние годы наблюдается промышленная деградация в горнодобывающей отрасли по причине закрытия производственных карьеров, как следствие: сокращение предприятий (с 447 в 2018 году до 378 в 2019 году), снижение качества жизни и трудовая миграция населения, которая составила в 2018 году 781 человека.

Соседний Сортавальский район представляется на официальном портале Республики Карелия как центр туризма: «Территория Сортавальского горсовета (площадь – 2,1 тыс. кв. км, население – 36,6 тыс. человек) расположена между северным побережьем Ладоги и границей с Финляндией. К ней относится и знаменитый остров Валаам – туристский объект мирового уровня. На сортавальском участке государственной границы находится международный пункт пропуска «Вяртсиля», через который проходит «Голубая дорога» туризма, соединяющая Карелию со странами Фенноскандии. Территорию горсовета пересекают и другие транспортные артерии (водные, сухопутные, воздушные), делающие ее легко доступной с любого направления. Качество дорог сравнительно высокое. В геополитическом плане территория горсовета выгодно отличается от всех других районов Карелии и создает хорошие предпосылки для развития туризма.

Туристский потенциал района дополняется живописными природно-ландшафтными комплексами и большим количеством интересных культурно-исторических объектов» [21]. Сегодня можно говорить о Сортавале как городе становящегося и развивающегося туризма с выгодным геополитическим положением на карте Карелии. Это подтверждается фактами: на территории района функционируют 5 музеев и выставочных центров, 5 туристических агентств, 15 гостиниц, 28 ресторанов и кафе. По данным местных властей в 2017 году «Общая сумма финансирования кластера составляет 2,7 миллиарда рублей. Из них инвесторы вложили 1,9 миллиарда, 660 миллионов – федеральный бюджет, еще 160 миллионов – республиканский. Кластер представляет собой сеть центров туристической активности, находящихся в паре часов пути друг от друга. Это 10 туристических центров в пяти районах республики: Лахденпохском, Сортавальском, Питкярантском, Олонецком и Прионежском. В стадии строительства находится более 70 объектов инфраструктуры, 43 уже введено в эксплуатацию. До 2025 года в «Южную Карелию» планируют вложить больше 5 миллиардов рублей» [1]. Однако развивающийся туризм на территории района объективно не содействует позитивной динамике развития социума: по данным местной администрации количество школ за последние 5 лет сократилось с 12 до 10, количество детских садов – с 16 до 14, количество учреждений дополнительного образования с 4 до 3, количество социокультурных центров – с 6 до 5, демографические потери составили 686 человек. Единственным позитивным показателем этой картины является трудовая миграционная прибыль населения за 2018 год, что может свидетельствовать о привлечении квалифицированных кадров в развивающийся туристический кластер.

Социокультурная ситуация в карельской Арктике кардинально отличается от других районов республики. Например, экономика Кемского района, относящегося к Поморью, сегодня основанная на энергетике, лесозаготовке, деревообработке и камнеобработке, имеет позитивную динамику прироста производственных предприятий: по данным органов местного самоуправления за последние 5 лет количество предприятий выросло с 317 до 335, чего не наблюдается в других районах Карелии. В Лоухском районе, где также развита лесозаготовка, деревообработка и горнодобывающая промышленность, статистическая динамика по количеству предприятий негативная: за последние 5 лет сократилось с 249 до 183 количество хозяйствующих субъектов. Однако в обоих арктических районах наблюдается устойчивая естественная и миграционная убыль населения, характерная в общем и целом для республики.

Анализ реальной социокультурной ситуации районов Карелии с точки зрения исторических факторов предполагает исследование особенностей культуры, в контексте которых проходило становление нынешних поколений, проживающих на данной территории.

Все районные центры (Сортавала, Питкяранта, Лахденпохья, Кемь и Лоухи) за исключением Костомукши имеют богатую историю, уходящую вглубь столетий. В современной культуре этих районов переплетены этнические традиции карел, финнов, русских и саамов. Память об исторических событиях и прошлом районов увековечена в 1023 объектах культурного наследия [20]. Среди всех районов особенно выделяется Сортавальский, в котором по данным Республиканского центра по государственной охране объектов культурного наследия насчитывается 548 объектов, что составляет половину от общего числа. Безусловно, данный показатель свидетельствует о древней и богатой истории русского, шведского и финского прошлого этого города. Необходимо отметить, что именно на территории Сортавалы сохранилось наибольшее количество памятников архитектуры (487 из 548), что придает особую культурную ценность этому городу. Сегодня в Сортавале проводится огромное количество фестивалей и конкурсов разной тематической направленности. Вероятно, подобное культурное и историческое наследие может быть расценено как подходящая основа для образования и самообразования жителей не только этого района, но и соседних.

История Кемь тесным образом связана с поморской культурой и Соловецким монастырем, который до 1930 года относился к Карелии. По мнению А. П. Конкки «древняя прибалтийско-финская этнокультурная основа, а также продолжавшийся в течение веков приток населения с западных волостей и связанные с этим процессы аккультурации и ассимиляции не могли не отразиться на антропологическом составе, языке и традиционной культуре местных жителей, создавших под влиянием специфической для славянского населения ориентации на морские промыслы и особенно сильного здесь старообрядчества свою, во многом уникальную культурную среду, позволяющую выделить поморов в отдельную этническую группу» [7: 43]. Сегодня Кемь имеет статус исторического города со своей архитектурной достопримечательностью – Успенским собором XVIII века и по-прежнему считается самым удобным портом для отправки на Соловки, что обеспечивает его туристическую привлекательность.

Лоухский муниципальный район является самым северным и малочисленным в Карелии (по данным местной администрации 11 459 жителей на январь 2019 года). Из 141 объекта культурного наследия 103 объекта относятся к археологическим и 25 – к военно-историческим. Наибольший интерес для туристов в Лоухском районе представляют природные заповедники и парки, поражающие своей масштабностью и первозданностью. С точки зрения культурного досуга и самообразования этот район Карелии не выглядит привлекательным по причине неразвитости инфраструктуры.

Костомукша является самым молодым городом Карелии (36 лет), построенным советско-финскими строителями в разгар «холодной войны» как своеобразный символ добрососедской дружбы. В Костомукше нет древних архитектурных и исторических памятников, но весь город представляет собой комфортный урбанистический комплекс, вписанный в пейзаж согласно финским архитектурным традициям. Примечательно, что в центре города возвышается Дворец культуры «Дружба», в котором системно проводятся международные фестивали фольклорной музыки, камерного искусства, бардовской песни, рок-музыки. Благодаря этой традиции Костомукша позиционируется как город фестивалей, что можно расценивать как благоприятный фактор для самообразования и саморазвития его жителей.

Краткий анализ культурной инфраструктуры в разных районах Карелии выявил разнообразный потенциал для образовательных и самообразовательных возможностей жителей республики. Однако необходимо отметить, что во всех перечисленных районах успешно функционируют учреждения дополнительного образования, социокультурные центры, библиотеки, музейные центры,

государственные и частные музейные комплексы.

Можно предположить, что в наиболее «богатых» культурно-историческим наследием районах существует и наиболее высокий потенциал для самообразовательной деятельности населения. Это предположение было верифицировано в ходе научно-исследовательской экспедиции посредством анкетирования жителей всех указанных районов, трудящихся в бюджетной сфере, в промышленности, в управлении, в сельском хозяйстве. В качестве анкеты по самообразованию взрослых был предложен вариант, разработанный кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (см. Приложение 1). «Анкета включает 3 (три) вопроса, направленные на уточнение биографических факторов: возраст, место рождения, наличие высшего и дополнительных образований. 17 вопросов были направлены на получение информации по самообразовательной активности участников исследования. Из них 9 вопросов было сформулировано с учетом их фокусировании на процессе саморазвития, 8 вопросов – на процессе самообразования. Начисленные по пунктам анкеты баллы суммировались и подсчитывался общий балл. Чем он был выше, тем предполагалась большая включенность участников исследования в самообразовательную и саморазвивающую деятельность. Далее результаты анкетирования подвергались статистической обработке, на основе которой была разработана урвневая градация оценок.

Высокий уровень самообразовательной активности – от 17 до 23 баллов, свидетельствовал о том, что субъект ведет активную самообразовательную деятельность и в значительной степени включен в процесс саморазвития.

Средний уровень самообразовательной деятельности – от 11 до 16 баллов, свидетельствовал о том, что включенность субъекта в процесс саморазвития и самообразования находится на среднем уровне, необходимом для осуществления процесса.

Низкий уровень самообразовательной деятельности – ниже 10 баллов, свидетельствует о низкой степени включенности в процесс саморазвития» [4].

В соответствии с изучаемыми районами результаты анкетирования обрабатывались по трем направлениям: Костомукша, карельская Арктика и карельское Приладожье. Результаты обработки анкет представлены в таблице № 1.

Таблица 1

Уровень самообразования населения Карелии

IMPACT OF SOCIOCULTURAL SITUATION ON SELF-EDUCATION OF RESIDENTS OF KARELIAN DISTRICTS AS A FACTOR OF HUMAN CAPITAL PRESERVATION

**SUVOROVA
IRINA**

*Doctor of Cultural Studies,
Professor,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences, Department of Philosophy
and Cultural Studies,
Petrozavodsk, Russian Federation, suvormih@list.ru*

Keywords:

self-education
sociocultural situation
residents of Karelia
human capital

Summary:

The article raises the problem of self-education of residents of the Karelian border region and the Arctic as the most important aspect of preserving human capital in the territory of the Republic in conditions of stable labour migration. The purpose of the article is to detect the influence of socio-cultural factors on the level of self-education of the population of the districts remote from the capital centers. In a research the complex methodology including standard and non-standard questionnaires, an interview, colloquiums, focus groups and questioning is used. Residents of Kostomuksh city district, Sortaval, Pitkäranta, Lahdenpohja municipal districts were involved as respondents for the study. The study found that the sociocultural situation is one of the determining factors of the self-educational activity of modern man, as it contributes to the formation of his axiosphere at the level of spiritual and material values. Analysis of the real sociocultural situation at the level of factors of internal order (social dynamics, economic model of development, changes in the political regime, state structure), historical factors (national peculiarities of culture, in the context of which the formation of current generations took place) and the factor of influence of global processes can identify the main factors determining the request for self-educational activities of our contemporaries. The results of the camera processing of empirical data have made it possible to identify two main factors affecting the formation of a high motivation for self-education, which allows the inhabitants of Karelia to realize their spiritual and material needs at a high level and to preserve human capital as the main value of society in the unstable situation of a globalizing world.

УДК 316.4

ТРАНСГРАНИЧНЫЙ ДАЧНЫЙ ТУРИЗМ: ОБЗОР РОССИЙСКОЙ ДАЧНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ФИНЛЯНДИИ

**ХАННОНЕН
ОЛЬГА**

*доктор социальных наук,
Университет Восточной Финляндии, Карельский
Институт,
Йоэнсуу, Республика Финляндия,
olga.hannonen@uef.fi*

Ключевые слова:

дача
дачный туризм
трансграничная мобильность
Финляндия

Аннотация:

В статье рассматриваются основные мотивы российского дачного туризма в Финляндии в контексте международной трансграничной мобильности. Основываясь на теоретических подходах к мотивам дачного туризма, статья показывает особенности мотивации российских дачников. Мотивы россиян значительно отличаются от результатов иных исследований по теме. Мотивы дачного туризма и трансграничная мобильность россиян представлена в контексте общественного дискурса в Финляндии, который демонстрирует противоречивые представления и ожидания российских туристов и финских жителей.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 01 декабря 2019 года

Опубликована: 03 декабря 2019 года

Российская трансграничная мобильность в Финляндии

Распад Советского Союза положил начало активной трансграничной мобильности между Россией и Финляндией. С открытием границы в 1991 году россияне буквально открыли границу. Хотя ещё в 1970–1980 годы финский «вино-водочный» туризм имел место в России, а россияне совершали единичные поездки в Финляндию, с 1991 года пересечение границы стало общедоступно. Тем самым российские поездки в Финляндию выросли с 1,3 миллиона в 1995 году до более пяти миллионов в 2013 году [3; 10]. Количество пассажирских пропускных пунктов увеличилось с шести в 1997 году до девяти сегодня.

Рост трансграничной мобильности между Россией и Финляндией привел к инициативе безвизового режима в 1999 году [1], которая к 2012 году достигла переговоров на высшем уровне. Согласно наиболее оптимистичным сценариям, введение безвизового режима прогнозировалось на конец 2013 года [18]. В 2014 году переговоры были заморожены в связи с конфликтом в Восточной Украине и введением санкций.

С середины 1990-х годов россияне стали наиболее многочисленной группой иностранных туристов в Финляндии, а также лидером по денежным расходам в Финляндии [39]. Российские туристы привели к развитию инфраструктуры в приграничных районах, направленной на удовлетворение их потребностей. Россиян привлекает чистая природа, развитые туристические сервисы и трансграничный шопинг.

Дачный туризм стал популярным направлением российского туризма с начала 2000-х годов. Россияне быстро обогнали других иностранцев по количеству сделок с недвижимостью. По данным

земельной службы Финляндии общее количество купленных дач и дачных участков составляет 4424 объекта с 2000 по 2015 год, что примерно в два раза больше, чем количество дач во владении других иностранцев в Финляндии (2441 объект недвижимости). В процентном соотношении доля российской дачной недвижимости составила 64,4% за указанный период [15].

Стоит отметить, что с момента независимости Финляндии (1917 год) право на владение недвижимостью было национализировано (под объектом недвижимости в Финляндии понимается земельный участок без или с находящимися на нем постройками, таким образом отдельно стоящее здание или квартира не являются объектом недвижимости) [15]. Процесс европейской интеграции и вступление Финляндии в Европейскую экономическую зону (1993) и в Европейский союз (1995) открыл рынок недвижимости гражданам союзных стран. По истечении пятилетнего периода дерогации от европейского законодательства, с 2000 года все иностранные граждане получили право приобретать недвижимость в Финляндии на равных правах. Законодательные изменения породили всплеск интереса в дачной недвижимости со стороны россиян. Данная статья нацелена на понимание интереса российских владельцев недвижимости и рассматривает мотивы приобретения дач в контексте общественного дискурса. Эмпирическим материалом выступают результаты докторского и постдокторского исследования автора о трансграничной мобильности россиян в Финляндии [15–17; 27; 28].

Исследования в области трансграничного дачного туризма

Растущая туристическая и рекреационная мобильность, движимая персональными предпочтениями в смене образа жизни, свободой выбора и самореализации, стала объектом академических исследований в последние десятилетия [14; 33]. Как разновидность рекреационной мобильности внутренний и международный дачный туризм стал предметом многочисленных публикаций с 1980 годов [13; 14; 33].

Трансграничный дачный туризм распространен по всему миру, но географически доминируют европейские примеры данного феномена (Европа и Северная Америка). Они включают помимо прочих британские, немецкие, бельгийские, люксембургские, испанские, швейцарские и итальянские дачевладения во Франции [5–7; 9; 11; 20; 35], датские в Бельгии [37], немецкие в Швеции [29–31], Венгрии [8] и Нидерландах [37]; норвежские в Швеции [34] и Финляндии [16], австрийские и итальянские в Словении [26], австрийские и швейцарские в Италии [40], американские в Мексике и Канаде [38], гонконгские в материковом Китае [22] и сингапурские в Малайзии [35]. Указанные исследования посвящены мотивам трансграничных покупок, взаимоотношениям с местными жителями и другими дачниками, интеграции в местное сообщество [5; 7; 30; 31; 34; 40], а также пространственному распределению дачных объектов [6; 20; 29]. Иностранная рекреационная недвижимость также рассматривалась с позиций колебаний на рынке недвижимости и доступности жилья [6; 22], пространственного планирования и землепользования [37], а также общих оценок экономического вклада в местное сообщество [11; 40]. Некоторые исследования рассматривают негативные стороны иностранного дачного туризма, такие как рост цен на недвижимость, рост социальной дифференциации, социальная дистанция и языковой барьер, конфликт в отношении развития дачной местности и даже вытеснение местного населения [5; 29; 30; 40]. Основными причинами роста трансграничного дачного туризма является растущая доступность зарубежной недвижимости, благодаря снижению запретов на иностранное владение, а также транспортной доступности [32; 35].

Исследования в области российского дачного туризма за рубежом сводятся к нескольким работам. Большинство исследований посвящено Финляндии, которые осуществлялись в рамках проекта по трансграничному туризму в Университете Восточной Финляндии с участием автора данной статьи [15]. Публикации по теме посвящены общественному дискурсу вокруг феномена [36], восприятию российского дачного туризма на местном уровне [21], структурам управления и регулирования зарубежного дачевладения в Финляндии [4], и обсуждениям вокруг российского дачного туризма в парламенте Финляндии [12]. Российская рекреационная недвижимость стала также предметом ряда бакалаврских и магистерских работ (более подробный обзор представлен у О. Ханнонен [15]).

Публикации К. Питкянен [36], а также А. Хонканена, К. Питкянен и М. Холла [21] заслуживают более детального обзора, поскольку они контекстуализируют российский дачный туризм и углубляют понимание этого феномена. К. Питкянен [36] определяет три основные направления медиа дискурса в Финляндии вокруг зарубежного владения недвижимостью. Во-первых, иностранные владельцы дач осуждаются в подрыве традиционных устоев жизни, вытесняя местных жителей и приводя к джентрификации. Во-вторых, иностранные владельцы наносят вред национальному пейзажу, подрывая доступ к правам на собственность финского населения. В третьих, иностранное владение

недвижимостью угрожает национальной идентичности и приводит к росту страхов в отношении иностранного влияния. По отношению к российскому владению недвижимостью третье направление обозначалось как «российское вторжение» [36, с. 52]. Ещё одним опасением выступает формирование этнических замкнутых дачных поселений.

Медиа дискурс демонстрирует непростое отношение финнов к российскому дачному туризму. Тем не менее, СМИ не всегда отражают отношение местного населения. Исследование А. Хонканена, К. Питкянен и М. Холла [21] было направлено на выявление реальных оценок российского дачного туризма на местном уровне. По итогам опроса в регионе Восточная Финляндия выяснилось, что местные жители и финские дачники в основном согласны с представленными оценками в СМИ, в особенности с негативными оценками покупки недвижимости россиянами. Положительные оценки феномена не были поддержаны всеми респондентами. Исследование выявило три группы мнений. Первую группу составили те, кто считает, что россияне повышают цены на недвижимость, и что финны намеренно продают россиянам по этой причине. Вторая группа видит россиян как источник разных возможностей для региона, в то же время третья группа рассматривает россиян как источник проблем.

Стоит отметить, что российский спрос на недвижимость в Финляндии активно обсуждался в парламенте. С начала 2000 годов члены парламента подали более тридцати письменных опросов по вопросу иностранного владения недвижимостью. Кроме того, попытки провести законопроект, ограничивающий приобретение недвижимости негражданам Евросоюза и Европейской экономической зоны, предпринимались три раза в 2009, 2011 и 2013 годах, а в 2015 году была подана гражданская инициатива. В феврале 2019 года парламент одобрил законопроект, касающийся национальной безопасности в отношении сделок с недвижимостью. Данное законодательное изменение введено для возможности контроля над недвижимостью, находящейся в непосредственной близости к объектам национального значения. В практическом плане данная мера предполагает проверку собственности нахождение к стратегическим объектам перед актом купли-продажи [19]. Изменения вступят в силу с начала 2020 года.

Теоретические подходы к изучению мотивов дачного туризма

Мотивы дачного туризма разделяют на две группы: мотивы приобретения дачи и факторы выбора местоположения [14; 27]. Выбор дачной местности представляет наибольший интерес в трансграничном контексте. Мотивы приобретения дачи немногочисленны и стандартны, они не меняются со временем [13]. Основными мотивами для приобретения дачи выступают инверсия, отдых, природа, активность, статус и личные мотивы [13; 23].

Инверсия считается основным мотивом дачного туризма. Под инверсией подразумевается смена обстановки, контраст обыденной жизни, благодаря пребыванию в сельской местности [29]. Смена образа жизни также символизирует «побег» из городской суеты – «отпуск» от современности [24, с. 124]. Смена обстановки также подразумевает отдых. Дача – это место отдыха, а не труда. Считается, что дача создает благоприятные условия для отдыха, так как знакомое место не требует адаптации [29].

Дача – это также объект разного рода активности в сельской местности. Дача требует поддерживающих работ и мелкого ремонта, что создает приятный контраст городской жизни [29]. Кроме того, дача – это больше, чем летний коттедж. Она может символизировать поиск идентичности, семейные узы, важные планы [13; 23]. Классическим примером личных мотивов являются британские дачники во Франции, которые ищут потерянную природу сельской местности, недоступную в Британии [20]. В некоторых случаях летний коттедж может быть признаком социального статуса, особенно, если дача расположена в живописной местности или за границей [13; 23]. Однако в большинстве случаев дача символизирует простой и традиционный образ жизни [30]. Степень выраженности мотивов варьируется у разных групп дачников, поэтому приобретение дачи представляет собой комплексное взаимодействие разных мотивов.

В то время как мотивы приобретения дачи помогают объяснить решение о покупке, они не раскрывают причин выбора расположения дачи. Выбор дачной местности зависит от пространственно-временных факторов, привлекательности местности, а также от стоимости [13; 23; 25]. С ростом расстояния снижается спрос, поскольку дачники ориентированы на местность, требующую минимального вложения времени и средств [32]. Расстояние между постоянным местом проживания и дачей определяет регулярность и продолжительность поездок. Выделяют три основные дачные зоны: однодневная зона (day-trip zone), зона выходного дня (weekend zone) и отпускная зона (vacation zone) [13; 25]. В данной статье используется кумулятивная модель дачной удаленности П. Кауппила [25], разработанная им на анализе разных моделей удаленности в Финляндии. Однодневная зона составляет

80–100 километров или примерно 60–75 минут пути. Зона выходного дня начинается от 100 километров с границей от 250 до 400 километров, что занимает от двух до пяти часов пути. Отпускная зона пересекается с зоной выходного дня в промежутке между 250 и 400 километрами. Подобная классификация с несколько иными параметрами расстояния характерна и для российских внутренних дач [2].

Критическим расстоянием для дачи в Финляндии считается 200 километров, после которого пользование дачей значительно снижается с полной потерей интереса при расстоянии, превышающем границы зоны выходного дня [25]. Тем самым, зона выходного дня характеризуется более частыми и короткими поездками, в то время как отпускная зона более редкими и продолжительными выездами. Транспортное сообщение может значительно сокращать время в пути. Однако данная опция доступна для более обеспеченных слоев населения, которые более мобильны. Таким образом, удаленное расположение дач считается скорее исключением в международном контексте. [13; 25].

Помимо расстояния, имидж дачного направления также играет роль в выборе месторасположения [29; 32]. Привлекательность местности или положительный образ определяют частоту посещений и тяготение к дачному месту [29].

Вместе с привлекательностью местности, окружающая среда – еще один важный фактор. Сельская жизнь и чистая природа – частые причины миграции из города [29]. Кроме того, сельские регионы привлекательны более низкими ценами на недвижимость. Среди других факторов, влияющих на выбор месторасположения, стоит отметить наличие свободных земельных участков и риелторских предложений [13; 32]. Роль риелторов особенно значима в трансграничных и иностранных покупках дачной недвижимости, поскольку они направляют потенциальных дачников в регионы с готовыми предложениями. Наличие и доступность недвижимости – важный фактор в иностранном владении, поскольку не всегда иностранцы обладают правом владения (например, как ранее в Финляндии).

Приобретение рекреационной недвижимости за рубежом часто связывают с повышенным риском и неопределенностью, обусловленных иностранной культурой, языком и законодательством. Государственная граница и визовый режим также создают дополнительные процедуры на пути к зарубежной даче.

Временной фактор и расстояние определяют расположение дач в приграничных районах соседских государств, поэтому трансграничное расположение дачи может вполне находиться в рамках зоны выходного дня и зоны отпуска. Однако возможность приобретения рекреационной недвижимости в живописной местности может быть более весомым фактором, чем её заграничное расположение [29].

Ещё одним важным фактором при объяснении причин трансграничного дачного владения является понимание культурных предпосылок владельцев. В одних случаях нет возможности приобрести недвижимость на внутреннем рынке. В других – нет доступных участков с желаемым расположением, например, на берегу озера или в горах. Также разница в стоимости недвижимости может повернуть взгляд потенциальных дачников в сторону соседней страны [32].

Мотивы российского трансграничного дачного туризма

Решение о покупке дачи и покупки в определенной местности сложно разделить. Одни принимают решение о покупке и лишь после выбора месторасположения, другие хотят дачу только в определенном районе [29]. Согласно исследованию мотивов приобретения недвижимости россиянами, некоторые мотивы приобретения дачи смогли себя реализовать исключительно в Финляндии. Такие образом спрос и месторасположение неразрывно связаны между собой в мотивации россиян [27].

Инверсия и поиск контраста – основной мотив приобретения рекреационной недвижимости. Являясь сельской страной по типу расселения Финляндия предоставляет желаемый контраст жителям российских мегаполисов и городов. Например, население Санкт-Петербурга равно населению всей Финляндии. Поэтому ритм жизни в России и Финляндии существенно отличается. Финские дачи не образуют поселений, поэтому отсутствие соседей располагает к тишине и спокойствию. Наличие же соседей не доставляет дополнительных неудобств, так как финны уважительно относятся к частной собственности и личной жизни. Инверсия как мотив для приобретения дачи достаточно сильно связан с дачевладением в Финляндии. Дачная жизнь в Финляндии является синонимом спокойствия и тишины, что создает приятный контраст российской городской, а также российской дачной жизни.

Отдых как мотив приобретения дачи воспринимается россиянами с позиции тишины и комфорта. Тишина подразумевает спокойную обстановку и отсутствие внешних раздражителей на финской даче. Комфорт предполагает хорошее техническое оснащение дачи, снижая домашние заботы, что высвобождает время для отдыха. Тем самым, отдых как мотив приобретения дачи в интерпретации россиян отличается от стандартного определения, подразумевающее посещение знакомого места.

Условия для отдыха имеют иную интерпретацию, включая окружающую обстановку и техническое оснащение дачи [27].

Природа как мотив связана с загородным расположением дачи. Побег из города на природу не всегда подразумевает простоту жизни в классическом понимании природы как мотива. Многие российские дачники в Финляндии владеют хорошо оснащенными дачами. Природа как мотив в интерпретации россиян предполагает дикие, нетронутые места, а также схожие климатические условия. Схожесть ландшафта – еще один компонент мотива. Финляндский лесной пейзаж близок жителям центрального и северо-западного регионов России. Красота финских озер привлекает как местных, так и зарубежных дачников в Финляндии. Таким образом, природа как мотив приобретает более широкую интерпретацию среди российских дачников. Погружение в природу не подразумевает отказа от удобств современной жизни, а предполагает красоту окружающей среды, нетронутые места и сходство ландшафта и климата [27].

Расположение дачи в сельской местности располагает к разного рода активности. Расположение у озера подходит для рыбалки круглый год, для купания и прогулок на лодке. Лес богат грибами и ягодами и приятен для прогулок. Кроме того, финский спортивный образ жизни и развитая инфраструктура влияют на активность российских дачников. Разумеется, разные дачники проводят время на даче по-разному, кто-то в более активной, кто-то в пассивной форме. Основная же активность на даче связана с окружающей природой [27].

Культурные и личные мотивы играют особую роль в контексте российского дачевладения. Дачный туризм является традиционной формой отдыха, охватывающей примерно половину городского населения России [2]. Личные мотивы отличаются от внутреннего дачного туризма: дача в Финляндии не символизирует тесных семейных связей и детских воспоминаний. Личные мотивы россиян близки к примеру британцев во Франции, россияне пытаются найти недоступную в России возможность расположения дачи в лесу на берегу озера. Прибрежное расположение построек законодательно ограничено в России (Водный кодекс Российской Федерации 2006), в то время в Финляндии прибрежная полоса может находиться в частной собственности. Таким образом, культурные предпосылки дачного отдыха, переплетающиеся с личными мотивами прибрежного расположения, смогли реализоваться по другую сторону границы.

Оснащение российских дач в Финляндии, их размер, расположение и структура владения сильно варьируются. Все они отвечают индивидуальным потребностям владельцев в дачном отдыхе. Роскошные виллы не всегда являются предметом статуса владельца. Лесное расположение дач в Финляндии не располагает к его демонстрации. В целом, статус не является выраженным мотивом для покупки дачи в Финляндии [27].

Решение о покупке дачи в Финляндии основано на поиске более качественного отдыха. Это в первую очередь связано с безопасностью как в физическом, так и в экономическом плане. Безопасность подразумевает спокойных отдых на финской даче без каких-либо опасений за личную безопасность и безопасность имущества также на момент отсутствия владельцев. Безопасность и надежность вложений – важный компонент имиджа Финляндии: «недвижимость – это недвижимо» (смотри полное описание у Липкиной [27]). Приятные впечатления и положительный опыт в Финляндии также повлияли на формирование образа страны. Со временем положительный образ Финляндии только усилился. Еще одной привлекательной чертой Финляндии является ухоженность и чистота.

Согласно расстоянию между российским домом и дачей в Финляндии дачи россиян располагаются в пределах верхней границы зоны выходного дня и в зоне отпуска. При этом между расстоянием и частотой поездок нет четкой закономерности. В то время как общее расстояние не значительно влияет на частоту посещения, расстояние от границы до дачи не должно превышать 150 километров (придел зоны выходного дня). Конкретное расположение дачи в указанной зоне удаленности на финской стороне является результатом риелторских предложений.

Процесс пересечения границы и оформление соответствующих документов на пути к финской даче не выступает препятствием, скорее, наоборот, по сравнению с другими европейскими странами Финляндия считается легкодоступной в транспортном отношении страной. Цены на дачи в Финляндии варьируются по отношению к курсу рубля. Те, кто приобрел дачи до 2014 года утверждают, что приобрели их на более выгодных условиях, чем в России [27]. Тем самым, россиянам не нужно было переплачивать за более качественный отдых в Финляндии.

Суммируя мотивы российского дачного туризма, стоит отметить несколько отличительных компонентов. Согласно результатам, инверсию сложно осуществить в тесно застроенных дачных поселениях близ больших городов в России. Подобно мотивам немецких дачников в Швеции [29], низкая

плотность заселения в Финляндии создает желаемый контраст для россиян. Спокойствие и широкое персональное пространство в Финляндии создают благоприятные условия для инверсии и для отдыха. Тем не менее, россияне не ищут скромного и простого образа жизни, имея в большинстве своем хорошо оснащенные летние коттеджи. Тем самым мотив природы, «back to nature» (возвращение к истокам – перевод О. Ханнонен) [13, с. 12], имеет совершенно иную интерпретацию в мотивациях россиян. Россиян привлекает как естественная, так и застроенная окружающая среда. Подобно мотивам британцев во Франции [20], россияне ищут недоступную в своей стране природу сельской местности. В отличие от российского законодательства, в Финляндии дача может располагаться на берегу водоема, имея прибрежную линию в собственности. Активность и статус как мотивы играют второстепенную или незначительную роль в мотивациях россиян.

Активная трансграничная мобильность россиян трансформировалась в постоянную связь со страной посредством дачевладения. Подобная тенденция говорит о высокой привлекательности местности и положительном образе дачного региона [29]. Транспортная доступность Финляндии удобна для частных передвижений без привязки к общественному транспорту. Привлекательность Финляндии как дачного направления также обусловлена сложившимся положительным образом страны. Физическая и экономическая безопасность – одна из основных причин приобретения дачи в Финляндии, поскольку схожих условий отдыха сложно достичь в России. Таким образом, Финляндия как дачное направление имеет ряд преимуществ, которые привлекают российских дачников.

Российский дачный туризм в контексте общественного дискурса Финляндии

Трансграничная мобильность и дачный туризм подвержены социально-политическим и экономическим факторам. Это видно на примере переговоров о безвизовом режиме между Финляндией и Россией. Политическая и экономическая стабильность, общественный порядок и разница между этими показателями в соседствующих странах являются основными факторами в возникновении трансграничной мобильности. В частности, мотивы дачного туризма россиян показывают, что россияне ищут безопасную гавань за границей в совокупности с другими личными мотивами.

Общественный дискурс в Финляндии демонстрирует достаточно противоречивые оценки и отношения финнов и россиян друг к другу. Мотивации россиян, а также исследования территориального распределения российских дач показывают [17], что россияне не стремятся покупать недвижимость вблизи соотечественников. Случаи близкого расположения российских дач, конечно, встречаются, но это скорее результат риелторских предложений, чем намеренного стремления к соседству. В то же время как со стороны финнов имеются опасения формирования замкнутых российских дачных поселений.

В заключение стоит отметить, что общественное мнение о российском дачном туризме в Финляндии достаточно оторвано от реальных мотиваций россиян. Негативное восприятие российского дачного туризма со стороны финнов противоположно положительному впечатлению россиян о Финляндии и финнах. Таким образом, несмотря на интенсивную трансграничную мобильность и полупостоянное присутствие россиян в сельской местности Финляндии и совместное использование рекреационного дачного пространства, финны и россияне мало знают друг друга.

1. Бурганова И. Н. Отмена визового режима между Россией и ЕС: утопия или реальность? // Грамота. 2011. № 3. Ч. 2. С. 37-40. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/9.html> (дата обращения: 10.05.2016).

2. Нефедова Т. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi> (дата обращения: 07.05.2014).

3. Федеральная служба статистики. Число выездных туристских поездок. 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.02.2019).

4. Åkerlund U., Lipkina O., Hall C. M. Second home governance in the EU: In and out of Finland and Malta // *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. 2015. Vol.7 (1). P. 77–97.

5. Buller H., Hoggart K. The social integration of British home owners into French rural communities // *Journal of Rural Studies*. 1994. Vol.10 (2). P. 197-210.

6. Calzada C., Le Blanc F. Attractivité résidentielle: les résidences secondaires allemandes en Lorraine. INSEE Lorraine. 2006. Vol. 49. Available at: http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp?reg_id=17&ref_id=9921 (accessed 17.07.2015).

7. Chaplin D. Consuming work/productive leisure: the consumption patterns of second home environments // *Leisure Studies*. 1999. Vol. 18 (1). P. 41–55.

8. Csordás L. Second homes in Hungary. In: A. Duró (ed.) *Spatial research in support of the European integration*. Pécs: Centre for Regional Studies. 1999. P. 145–160.
9. Fareniaux B., Verlhac E. Le dysfonctionnement des marchés du logement en zone touristique. Rapport No 004983-01. Ministère de l'écologie, du développement et de l'aménagement durables. 2008. Available at: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/rapports-publics/084000193/> (accessed 21.03.2015).
10. Finnish Border Guard. 2017. Available at: <http://www.raja.fi/en> (accessed 17.05.2018).
11. Goujard A. Résidences Secondaires des Etrangers et Territoire Français: Localisation et Re-tombées Economique Locales, la Valorisation d'un Capital Symbolique. Rapport de recherche. Institut d'Urbanisme de Paris. Université de Paris – Val-de-Marne. 2002. Available at: <http://bel.uqtr.ca/635/> (accessed 19.03.2014).
12. Haapasalo T. Arvoisa Herra Puhemies! Ulkomaalaisten kiinteistöomistuksiin liittyvät kirjalliset kysymykset vuosina 2000–2012 // Lähde. Historiatieteellinen Aikakausikirja. 2013. P. 135–158.
13. Hall C.M., Page S.J. *The geography of tourism and recreation: environment, place, and space*. 3rd Edition. 2016. London: Routledge. 458 p.
14. Hall C.M., Müller D.K. Introduction: Second homes, curse or blessing? Revisited. In: C.M. Hall, D.K. Müller (eds.) *Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground*. Clevedon: Channel View. 2004. P. 3–14.
15. Hannonen O. Peace and quiet beyond the border: the trans-border mobility of Russian second home owners in Finland. Publications of the University of Eastern Finland, Dissertations in Social Sciences and Business Studies, Vol. 118. Tampere: Juvenes Print. 2016. Available at: <http://bit.ly/dissertation-oh>.
16. Hannonen O., Tuulentie S., Pitkänen K. Borders and second home tourism: Norwegian and Russian second home owners in Finnish border areas // *Journal of Borderlands Studies*. 2015. Vol. 30 (1). P. 53–67.
17. Hannonen O., Lehtonen O., Toivakka M. Confronting the social debate: a study of the distribution of Russian recreational properties in Eastern Finland // *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*. 2016. Vol. 10 (2). P. 95–111.
18. Hantula H. Venäjän EU-lähettiläs: viisumivapaus mahdollinen tänä vuonna // *Yle Uutiset* 14.07.2013. Available at: http://yle.fi/uutiset/venajan_eu-lahettilas_viisumivapaus_mahdollinen_tana_vuonna/6732365 (accessed 11.02.2014).
19. HE 253/2018 vp. Hallituksen esitys eduskunnalle kansallisen turvallisuuden huomioon ottamista alueiden käytössä ja kiinteistöomistuksissa koskevaksi lainsäädännöksi. Available at: <https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/2018/20180253> (accessed 29.05.2019).
20. Hoggart K., Buller H. Geographical differences in British property acquisitions in rural France // *The Geographical Journal*. 1995. Vol. 161 (1). P. 69–78.
21. Honkanen A., Pitkänen K., Hall C.M. A Local Perspective on Cross-Border Tourism. Russian Second Home Ownership in Eastern Finland // *International Journal of Tourism Research*. 2015. Vol. 18 (2). P. 149–158.
22. Hui E.C.M., Yu K.H. Second homes in the Chinese Mainland under “one country, two systems”: A cross-border perspective // *Habitat International*. 2009. Vol. 33. P. 106–113.
23. Jaakson R. Second-home domestic tourism // *Annals of Tourism Research*. 1986. Vol. 13. P. 367–391.
24. Kaltenborn B. P. The alternate home – motives for recreation home use // *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*. 1998. Vol. P. 121–134.
25. Kauppila P. Resorts, second home owners and distance: A case study in northern Finland // *Fennia*. 2010. Vol. 188. P. 163–178.
26. Lampič B., Mrak I. Globalization and foreign amenity migrants: The case of foreign home owners in the Pomurska region of Slovenia // *European Countryside*. 2012. Vol. 4 (1). P. 45–56.
27. Lipkina O. Motives for Russian second home ownership in Finland // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2013. Vol. 13 (4). P. 299–316.
28. Lipkina O., Hall M. C. Russian second home owners in Eastern Finland: involvement in the local community. In M. Janoschka and H. Haas (eds). *Contested Spatialities, Lifestyle Migration and Residential Tourism*. Oxon: Routledge. 2013. P. 158–173.
29. Müller D.K. German second home owners in the Swedish countryside: On the internationalization of the leisure Space. Umeå & Östersund: Umeå University. 1999. Available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:688723/FULLTEXT01.pdf> (accessed 18.11.2019).
30. Müller D.K. Reinventing the countryside: German second-home owners in Southern Sweden // *Current Issues in Tourism*. 2002. Vol. 5 (5). P. 426–446.
31. Müller D.K. German Second Homeowners in Sweden. Some remarks on the Tourism – Migration – Nexus // *Revue européenne des migrations internationales*. 2002. Vol. 18 (1). P. 1–18.
32. Müller D. K. The attractiveness of second home areas in Sweden: A quantitative analysis // *Current*

Issues in Tourism. 2006. Vol. 9. P. 335–350.

33. Müller D.K. Second homes in rural areas: Reflections on a troubled history. // *Norsk Geo-grafisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*. 2011. Vol. 65 (3). P. 137–143.

34. Müller D.K. The internationalization of rural municipalities: Norwegian second home owners in Northern Bohuslän, Sweden // *Tourism Planning & Development*. 2011. Vol. 8 (4). P. 433–445.

35. Paris C. *Affluence, Mobility and Second Home Ownership*. Abingdon: Routledge. 2011. 208 pp.

36. Pitkänen K. Contested Cottage Landscapes: Host Perspective to the Increase of Foreign Second Home Ownership in Finland 1990–2008 // *Fennia*. 2011. Vol. 189. P. 43–59.

37. Priemus H. Importing and Exporting Spatial Needs: A Dutch Approach // *European Planning Studies*. 2005. Vol. 13 (3). P. 371–386.

38. Timothy D.J. Recreational second homes in the United States: Development issues and contemporary patterns. In: C.M. Hall, D.K. Müller (eds). *Tourism, Mobility and Second Homes. Between Elite Landscape and Common Ground*. Clevedon: Channel View Publications. 2004. P. 133–148.

39. Visit Finland visitor survey. 2017. Available at: <http://www.visitfinland.com> (accessed 08.03.2018).

40. Volo S. Community of Conflict? A Qualitative Study on Host-Guest Relationship in Second Home Tourism // *Tourism Analysis*. 2011. Vol. 16. P. 443–460.

References

1. Burganova I. N. Otmena vizovogo rezhima mezhdru Rossiej i ES: utopija ili real'nost'? // *Gramota*. 2011. № 3. Ch. 2. S. 37–40. Available at: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/9.html> (дата обращения: 10.05.2016). (In Russ.).

2. Nefedova T. Gorozhane i dachi // *Otechestvennye zapiski*. 2012. № 3 (48). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi> (дата обращения: 07.05.2014). (In Russ.).

3. Federal'naja sluzhba statistiki. Chislo vyezdnyh turistskih poezdok. 2018. Available at: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.02.2019). (In Russ.).

4. Åkerlund U., Lipkina O., Hall C. M. Second home governance in the EU: In and out of Finland and Malta // *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. 2015. Vol.7 (1). P. 77–97.

5. Buller H., Hoggart K. The social integration of British home owners into French rural communities // *Journal of Rural Studies*. 1994. Vol.10 (2). P. 197–210.

6. Calzada C., Le Blanc F. Attractivité résidentielle: les résidences secondaires allemandes en Lorraine. *INSEE Lorraine*. 2006. Vol. 49. Available at: http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp?reg_id=17&ref_id=9921 (accessed 17.07.2015).

7. Chaplin D. Consuming work/productive leisure: the consumption patterns of second home environments // *Leisure Studies*. 1999. Vol. 18 (1). P. 41–55.

8. Csordás L. Second homes in Hungary. In: A. Duró (ed.) *Spatial research in support of the European integration*. Pécs: Centre for Regional Studies. 1999. P. 145–160.

9. Fareniaux B., Verlhac E. Le dysfonctionnement des marchés du logement en zone touristique. Rapport No 004983-01. Ministère de l'écologie, du développement et de l'aménagement durables. 2008. Available at: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/rapports-publics/084000193/> (accessed 21.03.2015).

10. Finnish Border Guard. 2017. Available at: <http://www.raja.fi/en> (accessed 17.05.2018).

11. Goujard A. Résidences Secondaires des Etrangers et Territoire Français: Localisation et Retombées Economique Locales, la Valorisation d'un Capital Symbolique. Rapport de recherche. Institut d'Urbanisme de Paris. Université de Paris – Val-de-Marne. 2002. Available at: <http://bel.uqtr.ca/635/> (accessed 19.03.2014).

12. Haapasalo T. Arvoisa Herra Puhemies! Ulkomaalaisten kiinteistöomistuksiin liittyvät kirjalliset kysymykset vuosina 2000–2012 // *Lähde. Historiatieteellinen Aikakausikirja*. 2013. P. 135–158.

13. Hall C.M., Page S.J. *The geography of tourism and recreation: environment, place, and space*. 3rd Edition. 2016. London: Routledge. 458 p.

14. Hall C.M., Müller D.K. Introduction: Second homes, curse or blessing? Revisited. In: C.M. Hall, D.K. Müller (eds.) *Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground*. Clevedon: Channel View. 2004. P. 3–14.

15. Hannonen O. Peace and quiet beyond the border: the trans-border mobility of Russian second home owners in Finland. Publications of the University of Eastern Finland, Dissertations in Social Sciences and Business Studies, Vol. 118. Tampere: Juvenes Print. 2016. Available at: <http://bit.ly/dissertation-oh>.

16. Hannonen O., Tuulentie S., Pitkänen K. Borders and second home tourism: Norwegian and Russian second home owners in Finnish border areas // *Journal of Borderlands Studies*. 2015. Vol. 30 (1). P. 53–67.

17. Hannonen O., Lehtonen O., Toivakka M. Confronting the social debate: a study of the distribution of Russian recreational properties in Eastern Finland // *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*. 2016. Vol. 10 (2). P. 95–111.
18. Hantula H. Venäjän EU-lähettiläs: viisumivapaus mahdollinen tänä vuonna // *Yle Uutiset* 14.07.2013. Available at: http://yle.fi/uutiset/venajan_eu-lahettilas_viisumivapaus_mahdollinen_tana_vuonna/6732365 (accessed 11.02.2014).
19. HE 253/2018 vp. Hallituksen esitys eduskunnalle kansallisen turvallisuuden huomioon ottamista alueiden käytössä ja kiinteistönomistuksissa koskevaksi lainsäädännöksi. Available at: <https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/2018/20180253> (accessed 29.05.2019).
20. Hoggart K., Buller H. Geographical differences in British property acquisitions in rural France // *The Geographical Journal*. 1995. Vol. 161 (1). P. 69–78.
21. Honkanen A., Pitkänen K., Hall C.M. A Local Perspective on Cross-Border Tourism. Russian Second Home Ownership in Eastern Finland // *International Journal of Tourism Research*. 2015. Vol. 18 (2). P. 149–158.
22. Hui E.C.M., Yu K.H. Second homes in the Chinese Mainland under “one country, two systems”: A cross-border perspective // *Habitat International*. 2009. Vol. 33. P. 106–113.
23. Jaakson R. Second-home domestic tourism // *Annals of Tourism Research*. 1986. Vol. 13. P. 367–391.
24. Kaltenborn B. P. The alternate home – motives for recreation home use // *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*. 1998. Vol. P. 121–134.
25. Kauppila P. Resorts, second home owners and distance: A case study in northern Finland // *Fennia*. 2010. Vol. 188. P. 163–178.
26. Lampič B., Mrak I. Globalization and foreign amenity migrants: The case of foreign home owners in the Pomurska region of Slovenia // *European Countryside*. 2012. Vol. 4 (1). P. 45–56.
27. Lipkina O. Motives for Russian second home ownership in Finland // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2013. Vol. 13 (4). P. 299–316.
28. Lipkina O., Hall M. C. Russian second home owners in Eastern Finland: involvement in the local community. In M. Janoschka and H. Haas (eds). *Contested Spatialities, Lifestyle Migration and Residential Tourism*. Oxon: Routledge. 2013. P. 158–173.
29. Müller D.K. German second home owners in the Swedish countryside: On the internationalization of the leisure space. Umeå & Östersund: Umeå University. 1999. Available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:688723/FULLTEXT01.pdf>. (accessed 18.11.2019).
30. Müller D.K. Reinventing the countryside: German second-home owners in Southern Sweden // *Current Issues in Tourism*. 2002. Vol. 5 (5). P. 426–446.
31. Müller D.K. German Second Homeowners in Sweden. Some remarks on the Tourism – Migration – Nexus. // *Revue européenne des migrations internationales*. 2002. Vol. 18 (1). P. 1–18.
32. Müller D. K. The attractiveness of second home areas in Sweden: A quantitative analysis // *Current Issues in Tourism*. 2006. Vol. 9. P. 335–350.
33. Müller, D.K. Second homes in rural areas: Reflections on a troubled history. // *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*. 2011. Vol. 65 (3). P. 137–143.
34. Müller D.K. The internationalization of rural municipalities: Norwegian second home owners in Northern Bohuslän, Sweden // *Tourism Planning & Development*. 2011. Vol. 8 (4). P. 433–445.
35. Paris C. *Affluence, Mobility and Second Home Ownership*. Abingdon: Routledge. 2011. 208 pp.
36. Pitkänen K. Contested Cottage Landscapes: Host Perspective to the Increase of Foreign Second Home Ownership in Finland 1990–2008 // *Fennia*. 2011. Vol. 189. P. 43–59.
37. Priemus H. Importing and Exporting Spatial Needs: A Dutch Approach. // *European Planning Studies*. 2005. Vol. 13 (3). P. 371–386.
38. Timothy D.J. Recreational second homes in the United States: Development issues and contemporary patterns. In: C.M. Hall, D.K. Müller (eds). *Tourism, Mobility and Second Homes. Between Elite Landscape and Common Ground*. Clevedon: Channel View Publications. 2004. P. 133–148.
39. Visit Finland visitor survey. 2017. Available at: <http://www.visitfinland.com> (accessed 08.03.2018).
40. Volo S. Community of Conflict? A Qualitative Study on Host-Guest Relationship in Second Home Tourism // *Tourism Analysis*. 2011. Vol. 16. P. 443–460.

TRANS-BORDER SECOND HOME TOURISM: RUSSIAN SECOND HOME MOBILITY IN FINLAND

**HANNONEN
OLGA**

*Dr. of Social Sciences,
University of Eastern Finland, Karelian Institute,
Joensuu, Finland, olga.hannonen@uef.fi*

Keywords:

dacha
second home
second home tourism
trans-border mobility
Finland

Summary:

The article defines main motives of Russian second home tourism in Finland in the context of international trans-border mobility. Based on the theoretical approaches to motives of second home tourism, the article reveals motivations of Russian second home owners. Russian motives contrast other research results on the topic. Second home motives and trans-border mobility are presented in the context of societal discourse in Finland, which demonstrates contradictory opinions and expectations of Russian tourists and Finnish inhabitants.

УДК 314.83

Некоторые демографические тренды современной Финляндии

**КИЛИН
Юрий
Михайлович**

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой зарубежной истории,
политологии и международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
кафедра зарубежной истории, политологии
и международных отношений,
Петрозаводск, Российская Федерация,
kilinyuri@mail.ru*

Ключевые слова:

Финляндия
демография
население
рождаемость
иммигранты

Аннотация:

В статье анализируются такие ключевые демографические тренды современной Финляндии как сокращение рождаемости и старение населения, сокращение численности населения трудоспособного возраста, влияние иммиграции на воспроизводство населения. Освещаются меры правительства по поддержанию демографической стабильности государства за счет входящей миграции. Характеризуется «исторический» демографический переход 2016 года и его последствия для страны, представлены демографические прогнозы до 2035, 2060 и 2070 гг.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 02 декабря 2019 года

Опубликована: 03 декабря 2019 года

Население современной Финляндии в начале XXI в.

В 1900–2018 гг. население Финляндии увеличилось более чем в два раза, с 2,6 до 5,5 млн человек. За исключением Второй мировой войны в стране реализовывалась расширенная модель воспроизводства населения, сменившаяся с 1969 г. суженной моделью с суммарным коэффициентом рождаемости менее 2,1. За счет больших молодых возрастных когорт и превышения рождаемости над смертностью до 2016 г., а также демографического «взноса» иммигрантов, рост населения страны продолжается до настоящего времени и, согласно демографическим прогнозам, прекратится в 2035 г., после чего начнется его ускоряющееся убывание. К 2018 г. в Финляндии установился регрессивный тип возрастной структуры населения, возрастано-половая пирамида которой имеет форму урны (Рис. 1).

Väestön ikärakenne 31.12.

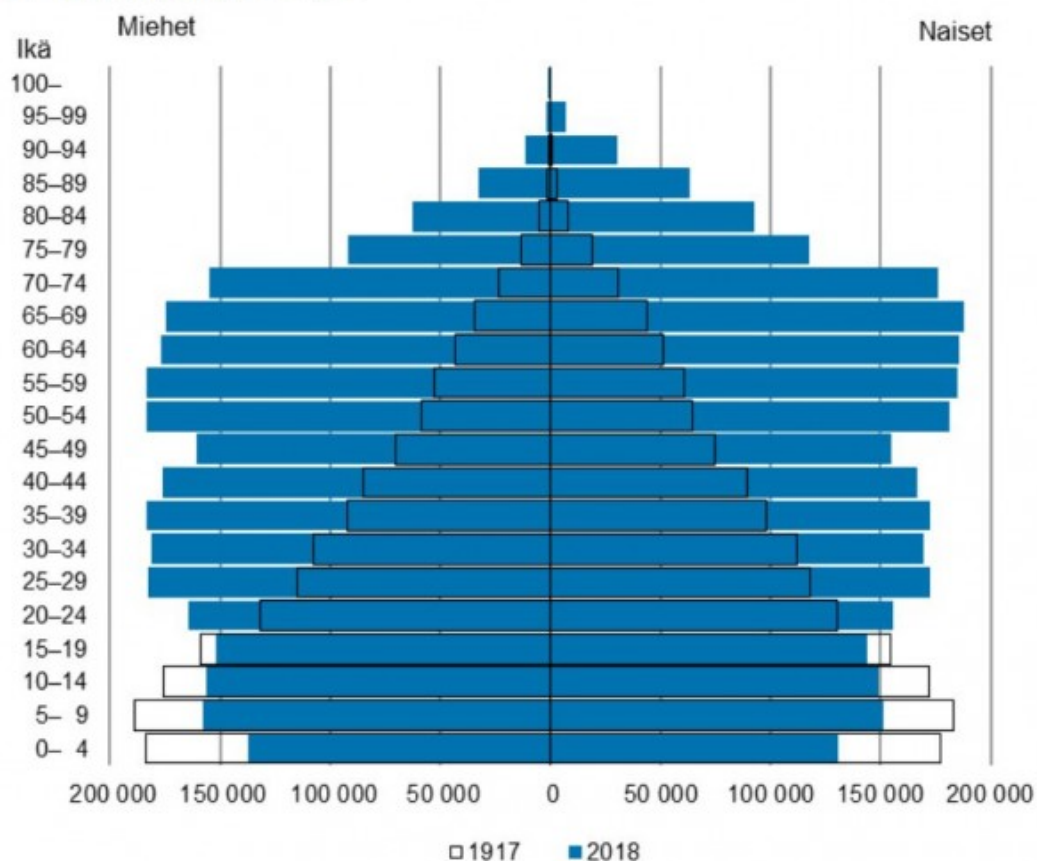

Рис. 1. Возрастно-половые пирамиды населения Финляндии в 1900 и 2018 г.

Источник: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html

Сокращение рождаемости

Kokonaishedelmällisyysluku 1900–2018

Рис. 2. Показатели рождаемости в Финляндии в 1900–2018 гг.

Источник: https://www.stat.fi/til/synt/2018/synt_2018_2019-04-26_tie_001_fi.html

В начале XX века Финляндия входила в группу стран и территорий с наиболее высокими

показателями воспроизводства населения. В 1900 г. суммарный коэффициент рождаемости в Великом княжестве Финляндском составлял немногим менее 5,0 (показатель простого воспроизводства 2,1 ребенка на женщину фертильного возраста). С этого времени начинается продолжающееся до настоящего времени сокращение рождаемости, особенно резко, до 2,8 детей, этот показатель сократился в первые годы независимости из-за непродолжительной, но кровопролитной гражданской войны (январь – май 1918 г.) и общей неблагоприятной социально-экономической ситуации в стране. После непродолжительного отскока в начале 1920-х гг. до уровня 3,7 рождений, снижение рождаемости продолжилось, и в период Второй мировой войны суммарный коэффициент рождаемости впервые опустился ниже уровня простого воспроизводства, составив 2,0 ребенка на женщину фертильного возраста [6].

Заключение перемирия в сентябре 1944 г., положительное воздействие на экономику репарационных платежей Советскому Союзу (до 1952 г.), реализация в Финляндии скандинавской социально-экономической модели развития с быстрым повышением доходов и уровня жизни всего населения страны обусловили непродолжительный бэби-бум, пик которого (3,5 рождений) пришелся на 1949-1950 гг. Уже в 1969-1970 гг. показатели рождаемости вновь опустились ниже уровня простого воспроизводства, достигнув промежуточного «дна», 1,5 рождений на одну женщину фертильного возраста, в первой половине 1970-х гг. К суженному воспроизводству населения Финляндия окончательно перешла в 1969 г. (Рис. 2) [6].

Elävänä syntyneet 1971–2018

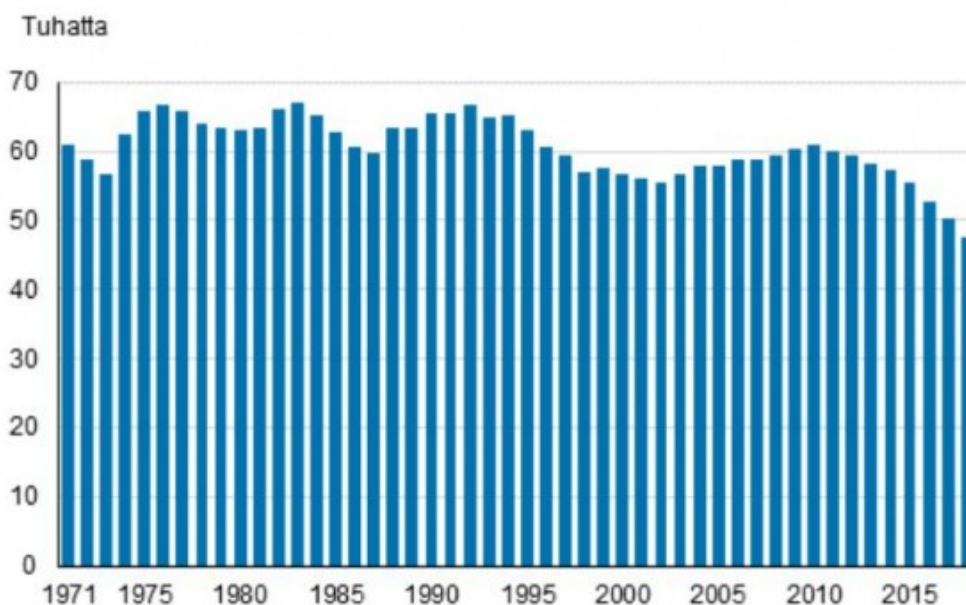

Рис. 3. Количество рожденных живыми детей в Финляндии в 1971–2018 гг. (в тыс.)

Источник: https://www.stat.fi/til/synt/2018/synt_2018_2019-04-26_tie_001_fi.html

В 2010 году из-за накопленных неблагоприятных изменений в возрастной структуре населения (средний возраст приблизился к 40 годам), социокультурных сдвигов и отсутствия активной государственной пронаталистской политики, в Финляндии продолжилось снижение показателей рождаемости, ускорившееся с 2015 г. В 2018 г. был поставлен абсолютный антирекорд рождений на женщину фертильного возраста, 1,41 ребенка, чему в немалой степени способствовало повышение возраста перворождения в 2018 г. до 29,4 лет, который вырос за десять лет на 1,2 года. Средний возраст отцов детей-первенцев в 2018 г. составил 31,4 лет. Свою лепту в снижение рождаемости внесли крупные города: в Хельсинки суммарный коэффициент рождаемости составил 1,23, в Турку – 1,26, в Тампере – 1,29. В 2018 г. в Финляндии родилось 47 577 детей, на 5,5 процента (2744 ребенка) меньше, чем в 2017 г. (Рис. 3). [6]. В столичном регионе показатели рождаемости были бы еще ниже, если бы в нем не проживало большое число иммигрантов (в Хельсинки, Эспоо и Вантаа доля иммигрантов составляет 13,6%, в столичном регионе в целом – 11,5, за его пределами – лишь 3,6%), с характерной для этой группы населения более высокой рождаемостью [3].

Тренд увеличения возраста перворождения затронул не только женщин фертильного возраста

(15-49 лет) граждан Финляндии по рождению, но и постоянно проживающих в стране женщин-выходцев из других стран (29,3 лет в 2017 г.), численность которых увеличилась с 26 тыс. в 1997 г. до 105 тыс. в 2017 г. Несмотря на позднее перворождение женщинами иностранного происхождения, количество рожденных ими детей увеличилось с почти 2 тысяч в 1997 г. до почти 6,5 тысяч в 2017 г., в то время как общее число рождений женщинами-гражданами Финляндии сократилось за этот же период на 13 тысяч, с 57 тыс. до 44 тысяч. В 2017 г. на женщин-иммигрантов первого поколения в столичном регионе пришлось 26% всех рожденных детей, в масштабах всей страны – 13% при доле иммигрантов в населении Финляндии менее 6%. В том же году коэффициент фертильности женщин-иммигрантов в первом поколении составил в среднем 1,92 (у сомалиек 4,2, эстонок – 1,7), женщин-граждан Финляндии по рождению – 1,45 [2].

Демографический прогноз до 2070 года

Väestö iän mukaan 1900–2017 ja ennustettu 2018–2070

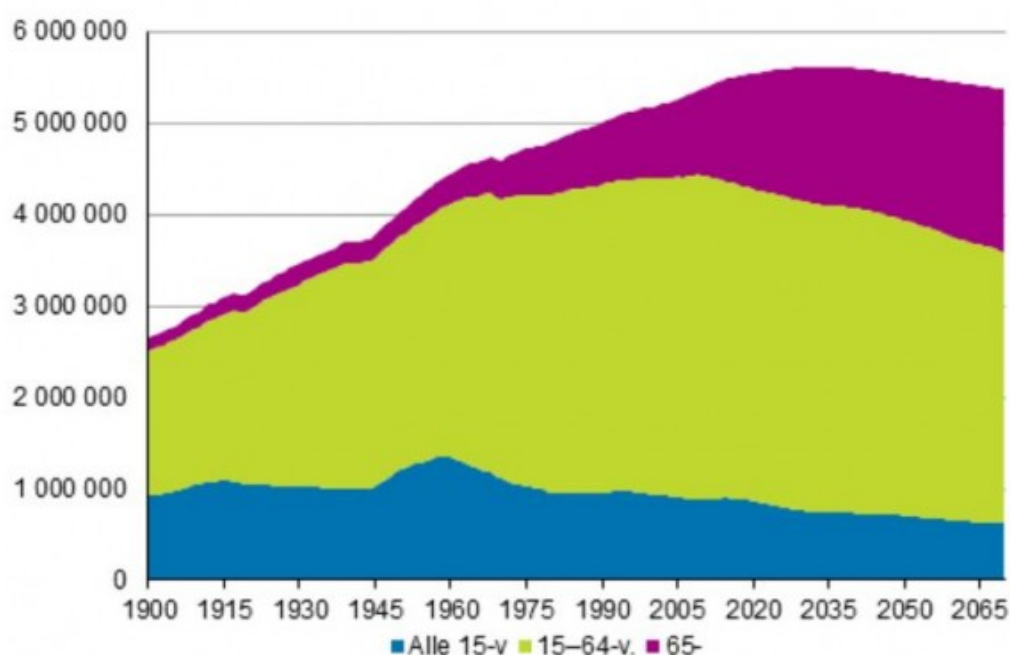

Рис. 4. Возрастная структура населения Финляндии в 1900–2017 гг. и прогноз на 2018–2070 гг. (в тыс.)

Источник: https://www.stat.fi/til/synt/2018/synt_2018_2019-04-26_tie_001_fi.html

Согласно демографическому прогнозу Статистического управления Финляндии, при условии сохранения коэффициента рождаемости на уровне 2018 г., в 2030 г. в стране будет насчитываться 760 тыс. человек в возрасте до 15 лет, в 2050 г. этот показатель составит менее 700 тыс., столько же сколько в 1870-х гг., когда численность населения страны составляла менее 2 млн человек (Рис.4). Одновременно ускорится рост численности старшей возрастной группы (старше 65 лет), удельный вес которой в населении страны будет увеличиваться до конца прогнозируемого периода и в 2070 г. составит 33% (Рис. 4 и 6) [6].

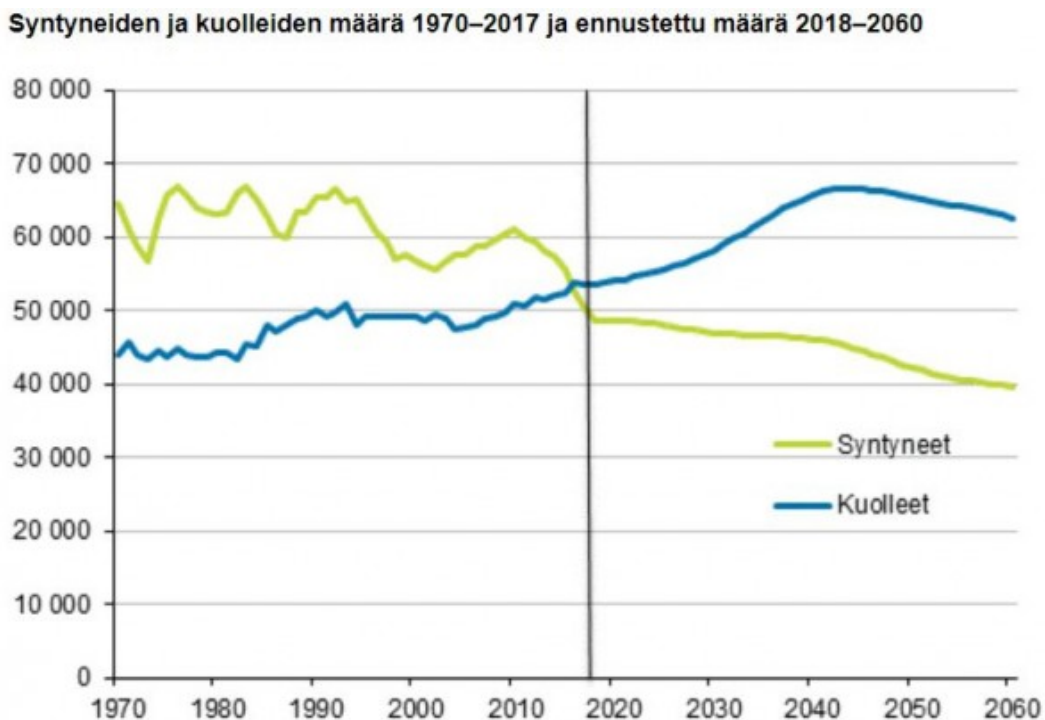

Рис. 5. Количество рождений и смертей в Финляндии в 1971-2018 гг. и прогноз на 2018-2060 гг. (в тыс.)

Источник: https://www.stat.fi/til/synt/2018/synt_2018_2019-04-26_tie_001_fi.html

Демографический переход 2016 года

В 2016 г. Финляндия испытала демографический переход (финский исследователь называет его «историческим» [1]) – с этого времени смертность устойчиво превышает рождаемость и, согласно прогнозу Статистического управления страны, этот разрыв будет постоянно увеличиваться вплоть до 2060 г., когда количество рождений снизится до 40 тыс., а смертей – увеличится до 63 тыс. (Рис. 5). Несмотря на это, при сохранении влияющих на рождаемость современных трендов, инерционный демографический рост Финляндии за счет входящей миграции по прогнозу будет продолжаться до 2035 г., когда численность населения страны составит 5,62 млн человек, увеличившись в 2018-2035 гг. примерно на 100 тыс. человек (в 2018 г. население страны составило 5 518 000 человек). После этого Финляндия перейдет к депопуляционной демографической модели, плавно снижая общую численность населения и меняя его возрастную структуру в пользу старших возрастов (Рис. 4 и 6) [4].

Ikäryhmien osuus väestöstä 1970–2017 ja ennustettu osuus 2018–2070, prosenttia

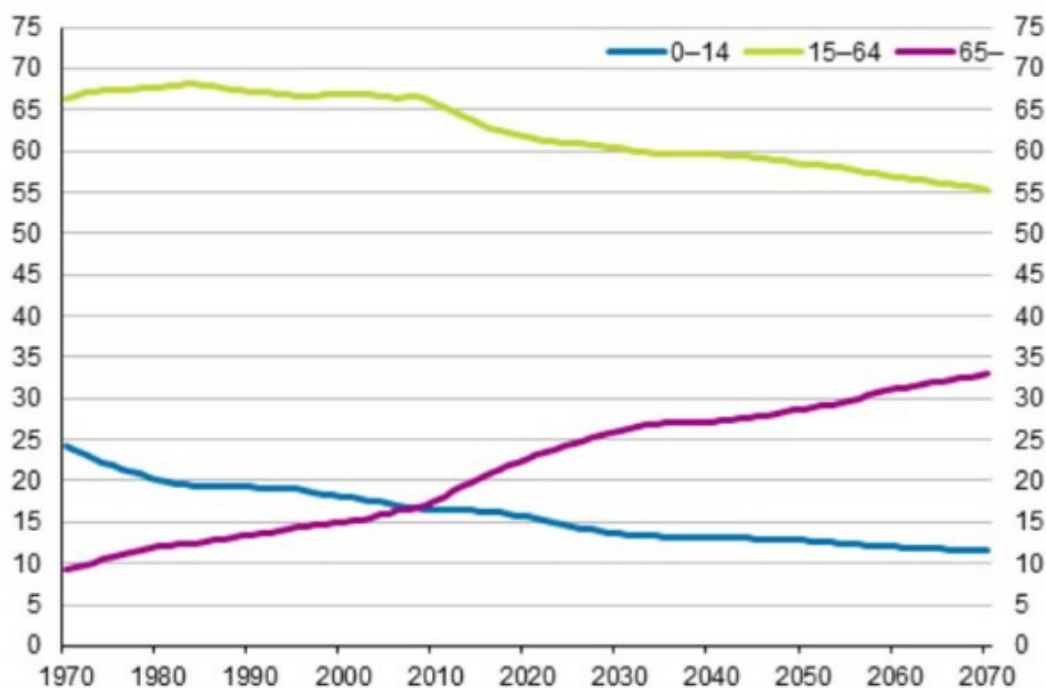

Рис. 6. Возрастная структура населения в Финляндии в 1970–2017 гг. и прогноз на 2018–2070 гг. (в процентах)

Источник: https://www.stat.fi/til/synt/2018/synt_2018_2019-04-26_tie_001_fi.html

Влияние входящей миграции на демографическую ситуацию в Финляндии

С 2000 г. численность населения Финляндии трудоспособного возраста (15–64 лет) сократилась на 100 тыс. человек, и, согласно прогнозу, к 2030 г. дополнительно сократится на 57 тыс. человек, составляя в это время 60% от общей численности населения. В сравнении с 2018 г. в 2050 г. эта группа населения сократится на 200 тыс. (58%). Без учета исходящей и входящей миграции, в ситуации, когда на изменение численности населения влияет только соотношение рождаемости и смертности, к 2030 г. численность населения Финляндии трудоспособного возраста сократилась бы на 217 тыс. человек, к 2050 г. на 630 тыс. человек. Эти расчеты Статистического управления Финляндии показывают сильную зависимость страны от входящей миграции [4].

Положительное воздействие иммигрантов на показатели рождаемости в настоящее время незначительно, учитывая, что их доля в населении Финляндии составляет около 6%. Тем не менее, показательно, что в возрастной группе 15–29 лет доля иммигрантов первого и второго поколения составляет 8%, в 2015 г. их общая численность составила 78,8 тыс. человек, в том числе 69,4 тыс. в первом и 9,4 тыс. во втором поколении [1].

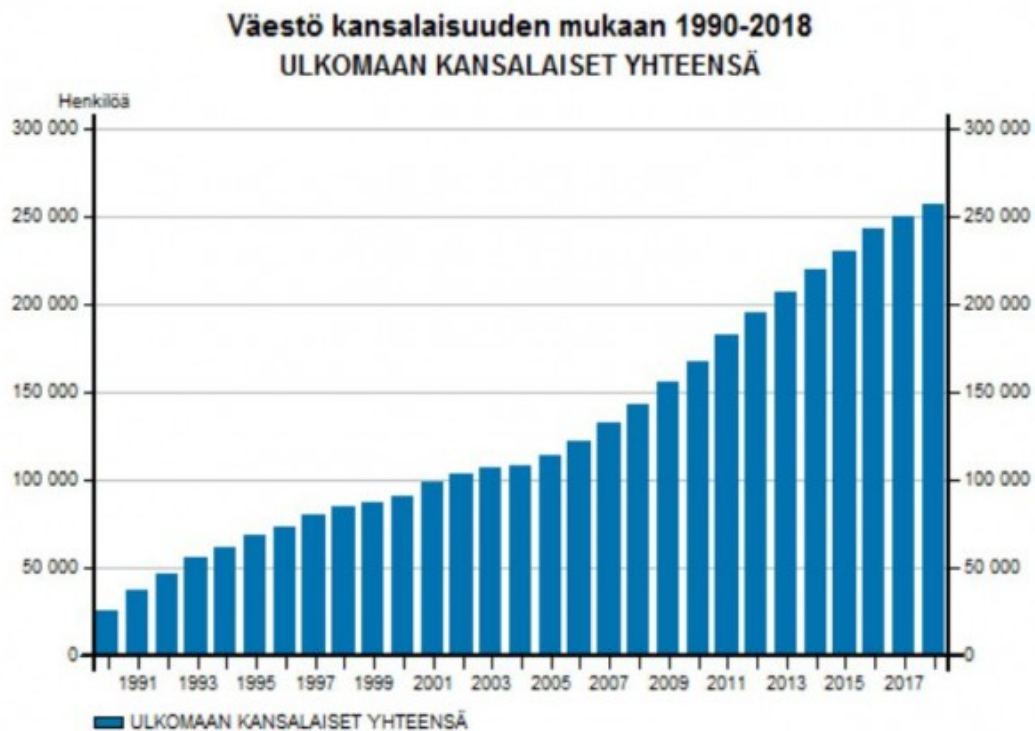

Рис. 7. Общая численность иностранных граждан в Финляндии в 1990–2018 гг. (в тыс. человек)
Источник:

<https://www.tilastokeskus.fi/tup/maahanmuutto/maahanmuuttajat-vaestossa/ulkomaan-kansalaiset.html>

Несмотря на переход к суженному воспроизводству населения еще в 1969 г., до распада СССР Финляндия являлась одной из самых закрытых для входящей инациональной миграции стран Европы, сохраняя свой преобладающе биэтнический состав (финны и финские шведы), а иностранных граждан насчитывалось примерно 25 тыс. человек, менее 1% населения страны. С 1991 г. начинается быстрый приток населения, прежде всего, выходцев из государств бывшего СССР, России и Эстонии. В 2018 г. численность иностранных граждан, постоянно проживающих в Финляндии, составила уже почти 258 тыс. человек, увеличившись за 28 лет в 10 раз (Рис. 7). В 2018 г. численность иностранцев в Финляндии возросла почти на 8,2 тыс. человек, на 3,3%. В конце 2018 г. доля законно пребывающих в стране иностранных граждан составила 4,7% населения Финляндии [7].

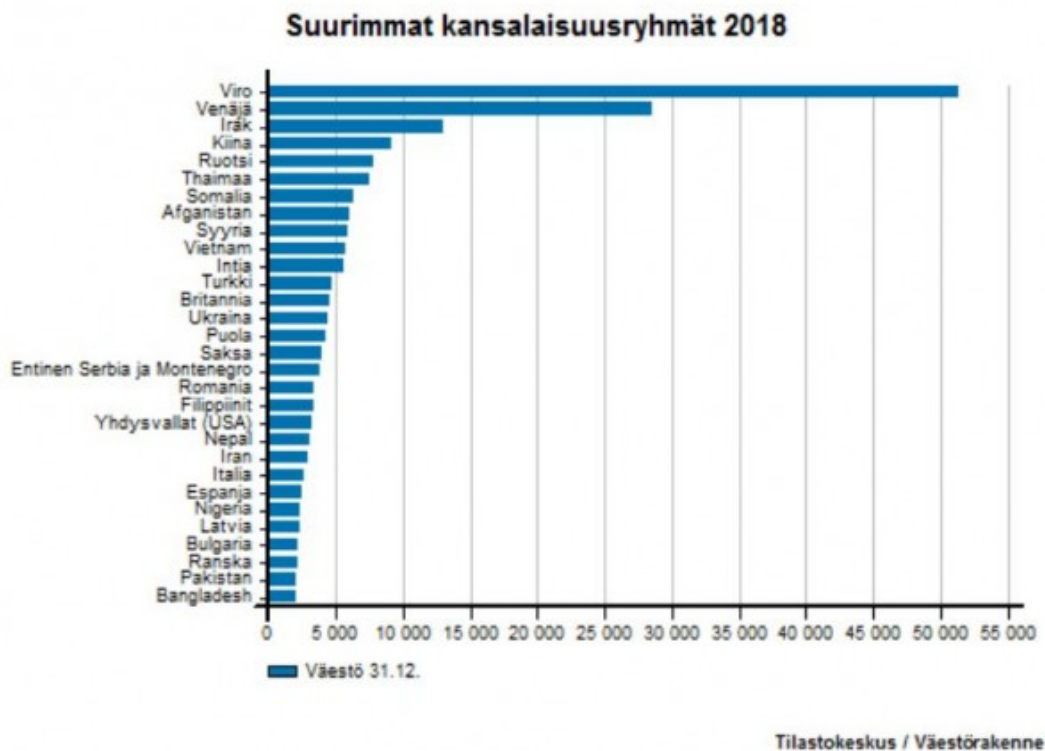

Рис. 8. Иностранные граждане в Финляндии в 2018 гг. по странам выхода (в тыс. человек)
Источник:

<https://www.tilastokeskus.fi/tup/maahanmuutto/maahanmuuttajat-vaestossa/ulkomaan-kansalaiset.html>

В 2018 г. в Финляндии постоянно проживали выходцы из 180 стран мира. Самой многочисленной национальной группой являются эстонцы (более 50 тыс.), второй по численности – граждане Российской Федерации, третьей – иракцы. Превышает 6 тысяч человек численность китайцев, шведов, тайландцев, сомалийцев, афганцев и сирийцев (Рис. 8).

Suomen kansalaisuuden saaneet edellisen kansalaisuuden mukaan 1990-2017 KANSALAIUUDEEN SAANEET YHTEENSÄ

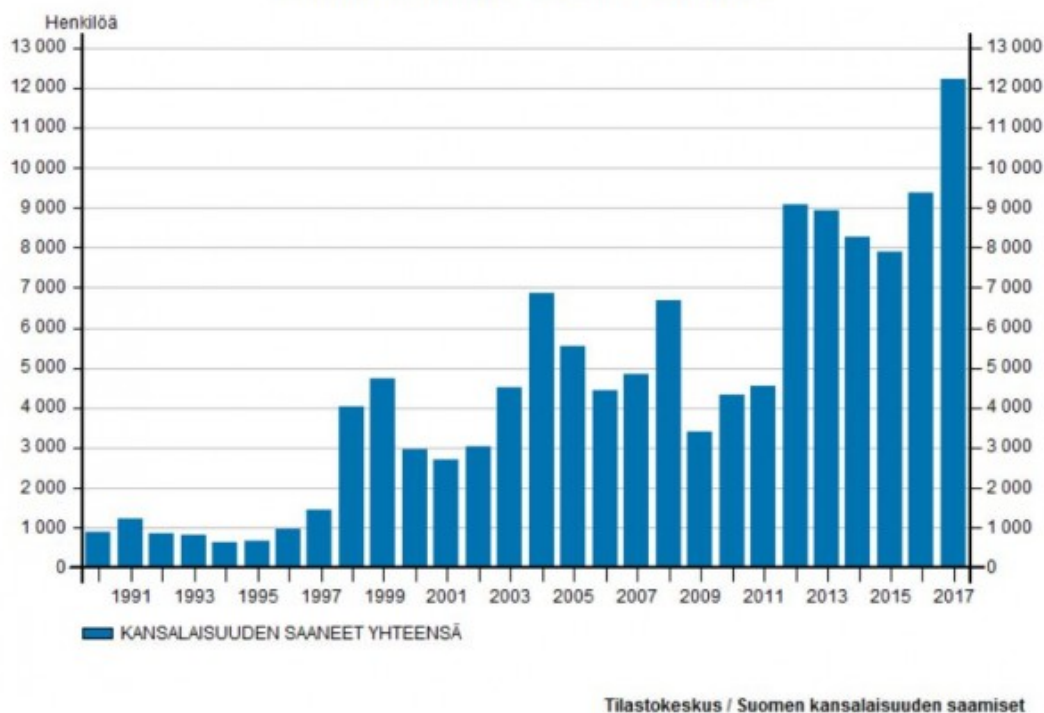

Рис. 9. Численность лиц, получивших гражданство Финляндии (в тыс. человек).

Источник: <https://www.tilastokeskus.fi/tup/maahanmuutto/suomen-kansalaisuuden-saaneet.html>

Реагируя на упомянутый выше демографический переход 2016 года, финские власти активно используют такой инструмент увеличения численности населения страны как предоставление гражданства Республики Финляндия иностранным гражданам. Если в 1990–1997 гг. ежегодно получали гражданство примерно 1 тыс. человек, то начиная с 1998 г. (за исключением 2001 г.) и до 2017 г. этот показатель превышал 3 тыс. случаев ежегодно. В 2004 г. обновленный закон о гражданстве впервые допустил двойное гражданство, что вызвало увеличение предоставления гражданства почти до 7 тысяч. В 2012 г. произошло резкое, почти двукратное увеличение предоставлений гражданства в сравнении с 2011 г., на что повлияло сокращение срока ожидания натурализации при постоянном проживании в Финляндии с 6 до 5 лет, а в 2017 г. был поставлен исторический рекорд – 12 219 иностранцев стали гражданами Финляндии (Рис. 8) [5].

В Финляндии проживает значительное число лиц, имеющих двойное гражданство, в 2017 г. их насчитывалось 118 464, в том числе 32 329 человек имели гражданство Финляндии при рождении и приобрели гражданство другого государства, иностранных граждан, получивших финское гражданство, было 86 135. Из этого числа самыми многочисленными группами были граждане Российской Федерации (30 257), Швеции (7839), Сомали (5600), Эстонии (5334) и США (4187) [5].

Suomen kansalaisuuden saaneet iän ja sukupuolen mukaan 2017

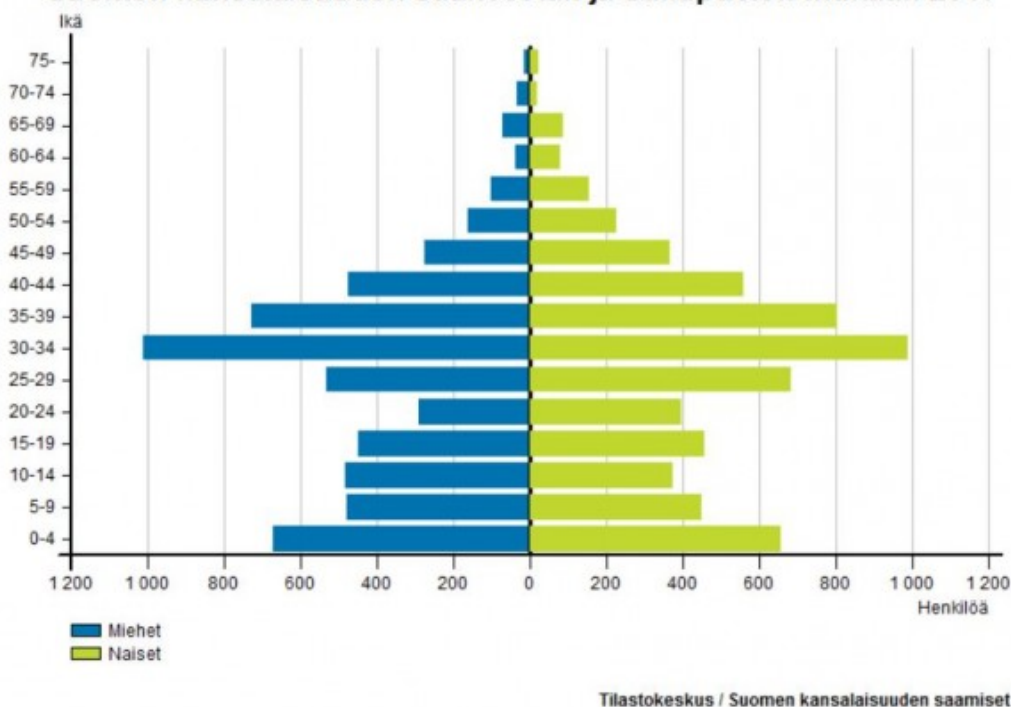

Рис. 10. Возрастно-половая пирамида лиц, получивших гражданство Финляндии в 2017 г. (в тыс. человек).

Источник: <https://www.tilastokeskus.fi/tup/maahanmuutto/suomen-kansalaisuuden-saaneet.html>

Возрастная структура получателей гражданства Финляндии говорит сама за себя. Власти государства отдают предпочтение представителям молодых возрастных групп: в 2017 г. среди получивших гражданство более половины были моложе 30 лет, а наиболее многочисленными были возрастные группы 30–34 и 35–39 лет, а также 0–4 лет (Рис. 10) [5].

Заключение

С конца 1960-х гг. Финляндия окончательно перешла к суженной модели воспроизводства населения, характеризующейся постоянно снижающимся суммарным коэффициентом рождаемости, составившим в 2018 г. 1,41. Для этой модели характерны сокращение абсолютной численности и относительной доли молодых возрастных когорт, особенно до 19 лет, быстрое увеличение среднего возраста, который в 2018 г. составил 41,6 года (рост на 0,3 года в сравнении с 2017 г.), увеличение численности и доли лиц старше 64 лет [9].

В 2016 г. Финляндия пережила демографический переход, в результате которого впервые в

истории страны смертность в мирное время превысила рождаемость, что определяет долговременный негативный демографический тренд при сохранении современной демографической политики. В 2060 г. прогнозируется превышение смертности над рождаемостью до 23 тысяч в год (40 тыс. рождений и 63 тыс. смертей). Начиная с 2035 г. без массовой входящей миграции население страны будет убывать с нарастающей скоростью, и, начиная с 2060 г., убыль может составлять до 100 тыс. человек за каждые четыре года.

Власти Финляндии в своей демографической политике действуют в рамках парадигмы, реализуемой большинством стран Евросоюза, с характерными для нее игнорированием активных пронаталистских мер, продвижением социально-культурных моделей, способствующих сокращению рождаемости и ставкой на восполнение убыли населения за счет иммигрантов. Примерно с 2005 г. прирост населения Финляндии обеспечивается только за счет входящей миграции, которой способствует либерализация законодательных норм, в частности, облегчение натурализации. Учитывая самобытность финского общества, которой угрожает высокий темп замещения коренного населения иноэтничными и инокультурными иммигрантами, проблемность их ассимиляции, такая демографическая стратегия представляется тупиковой.

1. Helminen M.-L. Maahanmuutto kasvattaa nuorten määrää. Available at: <http://www.stat.fi/tietotrendit/artikkelit/2017/maahanmuutto-kasvattaa-nuorten-maaraa/> (accessed 18.10.2019).

2. Helminen M.-L. Ulkomaalaistaustaiset ensisynnyttäjinä samanikäisiä kuin suomalaistaustaiset – mutta synnyttävät enemmän lapsia. Available at: <https://www.stat.fi/tietotrendit/artikkelit/2018/ulkomaalaistaustaiset-ensisyntyttajina-samanikaisia-kuin-suomalaistaustaiset-mutta-synnyttavat-lopulta-enemman-lapsia/> (accessed 18.10.2019).

3. Mäki N. Vieraskielisten hedelmällisyys Helsingissä ja Helsingin seudulla. Helsingin kaupunki. Tietokeskus. Työpapereita 2015. Available at: https://www.hel.fi/hel2/Tietokeskus/julkaisut/pdf/15_11_26_Tyopapareita_5_Maki.pdf (accessed 18.10.2019).

4. Nuorten määrä uhkaa vähentyä huomattavasti syntyvyyden laskusta johtuen

5. Tilastokeskus. Available at: https://www.stat.fi/til/vaenn/2018/vaenn_2018_2018-11-16_tie_001_fi.html (accessed 18.10.2019).

6. Suomen kansalaisuuden saaneet. Tilastokeskus. Available at: <https://www.tilastokeskus.fi/tup/maahanmuutto/suomen-kansalaisuuden-saaneet.html> (accessed 18.10.2019).

7. Syntyvyyden jyrkkä aleneminen jatkui. Tilastokeskus. Available at: https://www.stat.fi/til/synt/2018/synt_2018_2019-04-26_tie_001_fi.html (accessed 18.10.2019).

8. Ulkomaan kansalaiset. Tilastokeskus. Available at: <https://www.tilastokeskus.fi/tup/maahanmuutto/maahanmuuttajat-vaestossa/ulkomaan-kansalaiset.html> (accessed 18.10.2019).

9. Väestö. Tilastokeskus. Available at: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html (accessed 18.10.2019).

References

1. Helminen M.-L. Maahanmuutto kasvattaa nuorten määrää. Available at: <http://www.stat.fi/tietotrendit/artikkelit/2017/maahanmuutto-kasvattaa-nuorten-maaraa/> (accessed 18.10.2019).

2. Helminen M.-L. Ulkomaalaistaustaiset ensisynnyttäjinä samanikäisiä kuin suomalaistaustaiset – mutta synnyttävät enemmän lapsia. Available at: <https://www.stat.fi/tietotrendit/artikkelit/2018/ulkomaalaistaustaiset-ensisyntyttajina-samanikaisia-kuin-suomalaistaustaiset-mutta-synnyttavat-lopulta-enemman-lapsia/> (accessed 18.10.2019).

3. Mäki N. Vieraskielisten hedelmällisyys Helsingissä ja Helsingin seudulla. Helsingin kaupunki. Tietokeskus. Työpapereita 2015. Available at: https://www.hel.fi/hel2/Tietokeskus/julkaisut/pdf/15_11_26_Tyopapareita_5_Maki.pdf (accessed 18.10.2019).

4. Nuorten määrä uhkaa vähentyä huomattavasti syntyvyyden laskusta johtuen

5. Tilastokeskus. Available at: https://www.stat.fi/til/vaenn/2018/vaenn_2018_2018-11-16_tie_001_fi.html (accessed 18.10.2019).

6. Suomen kansalaisuuden saaneet. Tilastokeskus. Available at:

<https://www.tilastokeskus.fi/tup/maahanmuutto/suomen-kansalaisuuden-saaneet.html> (accessed 18.10.2019).

7. Syntyvyyden jyrkkä aleneminen jatkui. Tilastokeskus. Available at: https://www.stat.fi/til/synt/2018/synt_2018_2019-04-26_tie_001_fi.html (accessed 18.10.2019).

8. Ulkomaan kansalaiset. Tilastokeskus. Available at: <https://www.tilastokeskus.fi/tup/maahanmuutto/maahanmuuttajat-vaestossa/ulkomaan-kansalaiset.html> (accessed 18.10.2019).

9. Väestö. Tilastokeskus. Available at: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html (accessed 18.10.2019).

Some demographic trends of modern Finland

**KILIN
Yuri**

*Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of World History, Political
Science and International Relations,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences, Department of World
History, Political Science and International Relations,
Petrozavodsk, Russian Federation, kilinyuri@mail.ru*

Keywords:

Finland
demography
population
birth rates
immigrants

Summary:

Since the late 1960s Finland finally switched to a narrowed model of population reproduction, characterized by a constantly decreasing total birth rate, which decreased to 1.45 in 2018. This model is characterized by a decrease in the absolute number and relative share of young age cohorts, especially under 19 years, a rapid increase in average age, which in 2018 was 41.6 years (an increase of 0.3 years compared to 2017), an increase in the number and proportion of people older than 64 years.

In 2016, Finland experienced a demographic transition when, for the first time in the country's history, peacetime mortality exceeded the birth rate, which is a long-term negative demographic trend while maintaining a modern demographic policy. In 2060, an excess of mortality over birth rates of up to 23 thousand per year is predicted (40 thousand births and 63 thousand deaths). Beginning in 2035, without mass incoming migration, the country's population will decrease at an increasing rate, and starting in 2060, the decline may amount to 100 thousand people for every four years.

The Finnish authorities in their demographic policy operate within the framework of the paradigm implemented by most EU countries, with its characteristic disregard for active pronatalistic measures, the introduction of socio-cultural models that contribute to reducing the birth rate and relying on the compensation of population loss due to immigrants. Since about 2005, the population growth in Finland has been achieved only due to incoming migration, which is facilitated by the liberalization of legislative norms, in particular, the facilitation of naturalization. Given the unique identity of Finnish society, which is threatened by the high rate of replacement of the indigenous population by foreign-ethnic and foreign-cultural immigrants, the difficulty of assimilating them, such a demographic strategy seems to be a dead end.

УДК 316.42+140.8

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЦЕНЗИЯ-РЕПЛИКА НА РАЗДЕЛ КНИГИ А. С. ЗАПЕСОЦКОГО «СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)»

**ВОЛКОВ
ЮРИЙ
КОНСТАНТИНОВИЧ**

*доктор философских наук,
профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И.
Лобачевского, Арзамасский филиал, факультет
экономики и права, кафедра права, философии и
социальных дисциплин,
Арзамас, Российская Федерация,
yu.k.volkov@yandex.ru*

Ключевые слова:

рецензия-реплика
мировоззренческие оппозиции
антиметафизическая методология
проекты человека
диалог науки и религии
природа смысла
русская идея

Аннотация:

В жанре реплики рецензируется заключительный раздел монографии А. С. Запесоцкого «Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций (по материалам международных Лихачевских научных чтений)». Основной целью представленного отзыва является анализ противоположных по своей идейной направленности философско-мировоззренческих позиций участников Чтений в их сравнении с общей концепцией и методологией монографии. При этом все критически анализируемые идейные установки авторов докладов рассматриваются с точки зрения их соответствия антиметафизической методологии построения книги, ставящей перед гуманитариями задачу поиска общего в мировоззренческих оппозициях. Высказано предположение, что в рецензируемой книге используются два варианта диалектического метода – «сократовский», направленный на поиск изначально неизвестной сути реальных противоречий, и «гегелевский», призванный логическим путем синтезировать выбранный итоговый результат. Показано, что наиболее рельефно вторая разновидность диалектики представлена в подразделе 7.3. «Смыслообразующие доминанты русской цивилизации», где рассмотрены некоторые основные мировоззренческие ориентации глобализирующейся национальной культуры. В их числе противопоставление двух мировоззренческих проектов человека: классического и неоязыческого, идея диалога науки и религии, экзистенциальное и культурологическое понимания природы смысла. Отмечено, что представленные в книге мировоззренческие

~~ориентир~~ русской идеи, которые могут выступать в качестве строительного материала для государственной идеологии, прежде всего, учитывают ее национальную специфику. В этой связи в книге указаны общие принципы национальной и одновременно глобальной этики будущего, рельефнее всего сформулированные в творчестве Ф.М. Достоевского. Общий вывод реплики: в сочетаниях разных мировоззренческих и стилистических позиций, но при обязательном сохранении идейной направленности общего замысла проекта состоит одна из отличительных особенностей рецензируемого раздела книги, сумевшего передать особый творческий мир Лихачевских научных чтений.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 01 декабря 2019 года

Опубликована: 03 декабря 2019 года

Монография члена-корреспондента РАН А. С. Запесоцкого «Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций» [4] вышла в конце 2018 года. Однако, поскольку главным и основным источником работы послужили материалы Международных Лихачевских научных чтений, большая часть откликов на книгу должна была появиться после ее презентации, состоявшейся в мае 2019 года во время проведения очередного форума. В их числе представленный вариант рецензии, написанной в жанре промежуточной ответной реплики [6: 165], и посвященной одному из заключительных разделов работы. Хотя частично затрагивающей общее содержание и методологию всей монографии.

Наряду с такими типичными для монографических исследований достоинствами, как актуальность, научная новизна, концептуальная целостность, аргументированность, критичность, новая книга А. С. Запесоцкого даже с позиции работ высокого исследовательского ранга обладает беспрецедентным объемом и содержанием источниковой базы. Монография А. С. Запесоцкого представляет собой первый и пока единственный опыт анализа материалов Международных Лихачевских научных чтений, которые на протяжении второго десятилетия проводятся в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов. Как отмечается во введении монографии, «книга является первой попыткой целостного осмысления около четырех тысяч докладов Международных Лихачевских научных чтений и не претендует на завершенность и полноту решения данной задачи» [4: 9].

Разумеется, диалог, который автор на протяжении всей книги постоянно ведет с докладчиками, не исключает наличия монологических сюжетов, представляющих собой результат исследовательских обобщений не только, и не столько материалов Чтений. Многие ключевые разделы монографии базируются на многолетнем исследовании творчества Д.И. Лихачева, которое началось задолго до начала деятельности форума и независимо от его короткой формальной части [4: 17–31]. Кроме того, итоги осмысления такого центрального для мировоззрения XX века понятия, как культура, определяющего весь смысловой фон докладов, далеко выходят за рамки чисто культурологических аспектов процесса глобализации [4: 344–345].

Отмеченные особенности книги, обусловившие исключительное разнообразие обсуждаемых аспектов культурной динамики, вместе с тем многократно осложняют задачу написания даже полноценной рецензии, не говоря уже о небольшом отзыве в репликативной форме. В этой ситуации желание более или менее подробной оценки результатов анализа идей и выводов участников Чтений неизбежно наталкивается на тематические и предметные ограничения.

Главным критерием подобных ограничений для нас послужило предварительное знакомство с творчеством тех авторов докладов, ключевые идеи которых, посвященные смыслообразующим мировоззренческим доминантам, представлены в разделе 7 «Ресурсы гуманитарного знания в эпоху глобальных кризисов». Такой, как кажется на первый взгляд, субъективный выбор, компенсируется сравнением частных философско-мировоззренческих позиций ограниченного числа докладчиков с общей концепцией и методологией книги. Что же касается оценки других разделов монографии, то в силу содержащегося в них историологического, социально-экономического и политологического контекстов, они, вероятно, могут послужить в качестве предмета для отзывов интересантов в указанных областях современной социогуманитаристики.

Базовым теоретическим пунктом интересующего нас раздела выступает второй параграф, в

ВОЛКОВ Ю. К. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЦЕНЗИЯ-РЕПЛИКА НА РАЗДЕЛ КНИГИ А. С. ЗАПЕСОЦКОГО «СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)» // Studia Humanitatis Borealis. 2019. № 1. С. 58-64.
котором раскрывается смыслообразующая и логоцентристская по своей сути триединая миссия культурологического знания в глобальном мире: востребовать смыслы гуманитарной культуры; творить новые смыслы, направленные на восстановление единства культуры; создавать защитные и осмысленные культурные практики [4: 357].

Вместе с тем, как отмечает далее автор монографии, «в ситуации антропологического кризиса, разрушения национальных культур, технологической экспансии и перспектив уничтожения человека как антропоса миссия гуманитариев и консервативно мыслящих элит состоит в борьбе за сохранение «человеческого» типа бытия» [4: 357]. При этом в качестве типичного примера, раскрывающего смысл и основное содержание «борьбы за человека», использована обширная цитата из доклада нижегородского философа В. А. Кутырева, позиционирующего себя в качестве антропоконсерватора, неометафизика и последовательного критика доктрины антиязыкового логоцентризма и цифрового меонизма [5: 161-172, 252-271].

К сожалению, искренняя и эмоциональная цитата из доклада В. А. Кутырева безо всяких заключительных комментариев завершает целый параграф раздела монографии, посвященный миссии культурологического знания. В то время как защищаемые профессором Кутыревым философско-мировоззренческие позиции носят, на наш взгляд, достаточно спорный, а в некотором смысле односторонний характер [2]. Что принципиальным образом противоречит антиметафизической методологии построения монографии в целом, ставящей перед гуманитариями, исследующими современные процессы взаимодействия культур, задачу поиска общего в мировоззренческих оппозициях глобального и локального, традиционного и современного, западного и восточного [4: 6].

Вместе с тем, наряду с указанной методологической ориентацией, представляющей собой «сократовский» вариант диалектического метода, целью которого выступает поиск изначально неизвестной и непредсказуемой сути реальных противоречий, в интересующем нас разделе книги также используется «гегелевский» вариант метода спецификации. Данная исследовательская позиция призвана логическим путем эксплицировать тот итоговый результат, который может быть определен заранее, благодаря стадии выделения внутренних противоречий, предшествующей их творческому синтезу.

С другой стороны, именно отрицательно-разумная сторона диалектики, фиксирующая базовые внутренние противоположности, в случае отказа от попыток их дальнейшего синтеза, может привести к методологическому скептицизму. Либо, напротив, воссоздать ситуацию гносеологического оптимизма, как это имеет место в случае замены внутренних противоположностей внешними различиями.

В этой связи в монографии указан альтернативный по отношению к западной аналитике методологический подход в понимании специфики культурных целостностей, сформировавшийся преимущественно в рамках отечественной антропологии и гуманитаристики [4: 348-349]. Хотя, как показывает стилистика любого, в том числе анализируемого научного текста, неметафизическое соединение данности и идеи, разума и чувства, если оно реализуется в дискурсивной форме, вынуждает использовать ту или иную логическую конструкцию.

Наиболее рельефно вторая разновидность диалектики на стадии выделения сущностных противоположностей, на наш взгляд, представлена в написанном совместно с профессором А. П. Марковым подразделе 7.3. «Смыслообразующие доминанты русской цивилизации», где рассмотрены основные оппозиционные концепции современной национальной и глобальной культуры.

Так, например, в рассуждениях о деградации смысловой сферы культуры явно присутствует критика доктрины культурного антропоцентризма в версиях натуралистического, позитивистского и прагматического проектов «нового язычника». Данный мировоззренческий проект оценивается как деструктивный фактор процесса смыслообразования, потеснивший противоположный ему классический образ духовно устремленного человека [4: 359]. Подобный тип мировосприятия, по мнению авторов подраздела, носит деморализующий характер и лишает человека смысла жизни, девальвирует такие базовые ценности, как труд, призвание, семья, любовь, счастье, порождает многовекторный мировоззренческий разрыв [4: 359].

Следует отметить, что антропологическая направленность культуры в ее утилитарном и неутилитарном, самодостаточном и производном контекстах, достаточно подробно анализируется в заключительном разделе книги [4: 347-349]. Однако противопоставление двух мировоззренческих проектов человека: классического и неоязыческого как основного мировоззренческого противоречия современной культуры, на наш взгляд, оставляет без внимания еще один фундаментальный проект нового человека, начатого в условиях построения социалистического общества.

Вместе с тем, как можно понять из краткого резюме абзаца, посвященного преемственности

ВОЛКОВ Ю. К. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЦЕНЗИЯ-РЕПЛИКА НА РАЗДЕЛ КНИГИ А. С. ЗАПЕСОЦКОГО «СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)» // Studia Humanitatis Borealis. 2019. № 1. С. 58-64.

~~отечественной гуманитарной традиции, модель советского человека, видимо, следует отнести к~~ разновидности классической, целостной и неутилитарной модели «человека разумного» [4: 348]. В отличие от такой неизменной для всей отечественной антропологии классической характеристики сущностных оснований человека, идеология человека нового мира, несмотря на различия ее трактовок в разные периоды построения социалистического общества, на наш взгляд, все же представляет собой самостоятельный типаж, отличный не только от западных, личностно-утилитарных проектов, но и российских, религиозно-неутилитарных концепций.

Как один из возможных путей преодоления мировоззренческого раскола в понимании подлинного образа человека, сложившегося в рамках христианской антропологии, а также античной и новоевропейской культуры, в книге предложена идея диалога науки и религии [4: 360]. К сожалению, эта, как представляется, плодотворная идея соединения различных и даже несовместимых сфер культуры не получила дальнейшего продолжения. В то время как антиинтеракционистская концепция независимого существования «двух мистерий», напротив, достаточно давно и активно используется сторонниками доктрины мировоззренческого параллелизма [8].

Трудность разрешения проблемы синтеза противоположностей науки и религии в рамках единой современной культуры, видимо, обусловлена их разноуровневым социальным статусом. С этой точки зрения наука представляет собой особый социальный институт, базирующийся на приоритете новационной, практически ориентированной деятельности. Тогда как религия, включая ее ритуальные и институциональные компоненты, принадлежит к сфере идеально-типических средств жизненных ориентаций, где главным имманентным противоречием выступают разные типы конфликтов между структурами жизненных отношений [1: 307].

Об этой стороне религиозного отношения к миру идет речь в представленной в качестве альтернативной гипотезы о кризисе светского гуманизма позиции еще одного нижегородского философа – А. Н. Фатенкова. Автор цитируемого доклада видит источник современного глобального кризиса не в господстве идеологии нового антропоцентризма, а во внутренних разборках и внешних противостояниях трех монотеистических религий откровения и их секулярных отложений [4: 360].

Итогом этого своеобразного неоконченного спора о характере отношений между научно-рациональным и религиозным видением мира, а в своем пределе между знанием и верой, является приведенная в книге цитата из доклада В. С. Степина о повышении значимости взаимодополнения науки и религии в условиях аномии норм европейской культуры [4: 360]. Хотя ответ на возникающий вопрос о том, как возможно на практике соединить научный и религиозный типы мировоззрения, не подкреплён конкретными историческими и современными примерами. В этой связи более последовательно с точки зрения выбора одной из альтернативных точек зрения выглядит представленное в книге понимание природы смысла.

Исходя из экзистенциально-сопереживающего и вместе с тем культуротворческого понимания смысла бытия, данный феномен трактуется как посредник между персонифицированной и ментально обусловленной системой жизненных ценностей и истиной, выходящей за пределы индивидуального бытия при помощи слова, символа, смыслообраза [4: 360–361]. Отсюда следует вывод о том, что утративший смысл жизни, но по-прежнему конструктивно настроенный человек, не случайно обращается к религии, где обретает высший смысл «в форме позитивного ответа на вопрос: в чем заключается смысл жизни и есть ли он вообще?» [4: 362].

Эта принципиальная мысль, обобщающая понимание сущности концепта смысла и всего процесса смыслополагания, разворачивается в совокупности их базовых характеристик: проблемной обусловленности; целостной, рационально-иррациональной природы; диалогичности, интересубъективности и интенциональности [4: 362–365].

Безусловно, конфликтная природа смысла вообще, проявляющаяся в противоречивости рационального и иррационального, монологической однонаправленности и диалогической незавершенности представляют собой важный пласт характеристик анализируемого феномена. Однако, как показывает знакомство с историей категории смысла и ее современным пониманием [7: 125–158], главным противоречием интересубъективного процесса смыслообразования, видимо, все же является синтаксическое по своей семиотической спецификации противоречие между объективным значением знаков и их субъективным смыслом, извлекаемым из других содержательно соотносимых значений.

Любые другие спецификации оппозиции обозначаемого и обозначающего (семантические, прагматические, эпистемические, метафизические, этические, эстетические и т.д.), в рамках которых обозначаемое и обозначающее утрачивают свою онтологическую нейтральность и наделяется различными оценочными характеристиками, вплоть до характеристики предустановленной

ВОЛКОВ Ю. К. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЦЕНЗИЯ-РЕПЛИКА НА РАЗДЕЛ КНИГИ А. С. ЗАПЕСОЦКОГО «СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)» // Studia Humanitatis Borealis. 2019. № 1. С. 58-64.

трансцендентальной полноты смысла, хранимого Богом или вещами [3: 846], неизбежно возвращают нас к проблеме идейно-смысловой иерархии «двух миров».

В отличие от инерсубъективного варианта понимания процесса и результата рождения смысла, представленная в книге концепция русской идеи опирается на объективистскую, надличностную и наднациональную трактовку данного культурно-исторического феномена, который, тем не менее, имеет явно выраженную национальную форму. Как констатируют авторы подраздела: «Базовой характеристикой русской идеи является ее наднациональный, универсалистский характер, который в существенной степени был определен православием как всемирной религией и возник на ментальной почве русского человека. Основу всемирной устремленности русской идеи определяет нравственная суть русской души» [4: 368].

Основами мировоззренческих ориентиров для построения национальной идеологии определены следующие идеологемы: вариант русской идеи «Москва – Третий Рим», реализуемой в качестве государственной и религиозной формы сохранения национальной самобытности; евразийская концепция русской цивилизации, где Россия выступает как духовный центр синтеза восточной и западной культур; мессианская парадигма России как всемирно-исторического лидера народов-изгоев (А. С. Панарин); адаптированный к современным реалиям проект «Россия как центр гармонии цивилизаций» (Л. Г. Ивашов и др.) [4: 369–372].

Все представленные в книге мировоззренческие ориентиры русской идеи, которые по замыслу авторов раздела могут выступать в качестве строительного материала для государственной идеологии и геополитических стратегий [4: 369], опираются на общие этические основания. Долговременность и константность последних призван обеспечить сверхрациональный и одновременно жизненно-утилитарный нравственный проект, исходящий из идеи безопасного существования и спасения всех, кто хочет сохранить свою душу в вечности [4: 374]. Аналогом такой душеспасительной и вместе с тем земной, национальной и общечеловеческой этики будущего должна составлять, этика сострадания и взаимной помощи, рельефнее всего сформулированная в творчестве Ф. М. Достоевского [4: 373–374].

Если попытаться продолжить дальше цепочку идей, положенных в основания предложенного проекта понимания особенностей русской национальной культуры, то окажется, что мировоззренческие ориентиры, базирующиеся на идеологии «деятельной любви», сочувствия и сострадания всем скорбящим, независимо от их моральной селекции, представляют собой тот вариант религиозного традиционализма, который в своих этико-философских основаниях опирается на метафизическое истолкование принципа абсолютности изначального добра, заложенного в человеке. Вместе с тем антроподицейный, безусловно, гуманистический и морально-утопический пафос, содержащийся в обширной цитате профессора О. С. Соиной [4: 374], косвенным образом призывает читателей хотя бы на время отказаться от поиска идейно-теоретических источников этики будущего и правилах ведения научных споров и задуматься о скрытом альтруистском начале человеческой природы.

В этих переходах от строгого научного дискурса к литературно-образному языку нравственных проповедей, в этом парадоксальном, но одновременно органичном соединении четких форм разума и разливающейся музыки чувств, собранных в многоцветную мозаику противоположных мнений при сохраняющейся идейной направленности общего замысла проекта, состоит одна из отличительных особенностей рецензируемого раздела книги, сумевшего передать особый творческий мир Лихачевских научных чтений.

1. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

2. Волков Ю. К. О философских революциях, их идеологических последствиях и статусе философского знания (размышления над книгой В.А. Кутырева «Последнее целование. Человек как традиция») // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2017. №1(37). С. 45-55.

3. Грицанов А.А., Можейко М.А. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.

4. Запесоцкий А.С. Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций (По материалам Международных Лихачевских научных чтений). СПб.: СПбГУП, 2018. 608 с.

5. Кутырев В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб.: Алетейя, 2018. 526 с.

6. Чалова О.Н. Коммуникативные реакции на безоценочные реплики в научной дискуссии // Вестник

ВОЛКОВ Ю. К. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЦЕНЗИЯ-РЕПЛИКА НА РАЗДЕЛ КНИГИ А. С. ЗАПЕСОЦКОГО «СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)» // Studia Humanitatis Borealis. 2019. № 1. С. 58-64.

~~Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. Філалагічныя навукі. 2011. №3—(32). С. 163-167.~~

7. Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. И. Т. Касавина и Н. Н. Ворониной. Н. Новгород.: Изд-во Нижегородского университета, 2018. 413 с.

8. Gould S.J. Rocks of Ages: Science and Religion in the Fullness of Life. N. Y.: Ballantine Books, 1999. 256 p.

References

1. Weber M. Izbrannye proizvedeniya: Per. s nem. Moscow, 1990. 808 p. (In Russ.)

2. Volkov Yu.K. O filosofskih revolyuciyah, ih ideologicheskikh posledstviyah i statuse filosofskogo znaniya (razmyshleniya nad knigoy V.A. Kutyreva «Poslednee celovanie. Chelovek kak tradiciya») // Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya [Scientific humanitarian journal]. 2017. No 1(37). P. 45-55. (In Russ.)

3. Gricanov A.A., Mozhejko M.A. Postmodernizm. Enciklopediya. Minsk, 2001. 1040 p. (In Russ.)

4. Zapesockij A.S. Stanovlenie global'noj kul'tury i konflikty civilizacij (Po materialam Mezhdunarodnyh Lihachevskih nauchnyh chtenij). Saint Petesrburg, 2018. 608 p. (In Russ.)

5. Kutyrev V.A. Sova Minervy vyletaet v sumerki (Izbrannye filosofskie teksty XXI veka). Saint Petersburg, 2018. 526 p. (In Russ.)

6. Chalova O.N. Kommunikativnye reakcii na bezocenochnye repliki v nauchnoj diskussii // Vestnik Mazyrskaga dzyarzhaj'naga pedagagichnaga ŷniversiteta imya I.P. Shamyakina [University scientific journal]. Filalagichnyya navuki. 2011. No 3 (32). P.163-167. (In Russ.)

7. Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya. N. Novgorod, 2018. 413 p. (In Russ.)

8. Gould S.J. Rocks of Ages: Science and Religion in the Fullness of Life. N. Y.: Ballantine Books, 1999. 256 p.

IDEOLOGICAL OPPOSITION OF MODERN CULTURE: REVIEW-REPLIC ON THE SECTION OF THE BOOK A.S. ZAPESOTSKY «FORMATION OF A GLOBAL CULTURE AND CONFLICTS OF CIVILIZATIONS (BASED ON THE INTERNATIONAL LIHACHEVSKY SCIENTIFIC READINGS)»;

**VOLKOV
YURI**

*Doctor of Philosophy,
Professor,
Nizhny Novgorod National Research State University
named after N. I. Lobachevsky, Arzamas branch, Faculty
of Economics and Law, Department of Law, Philosophy
and Social Disciplines,
Arzamas, Russian Federation, yu.k.volkov@yandex.ru*

Keywords:

review-replica
ideological opposition
anti-metaphysical methodology
human projects
dialogue of science and religion
the nature of meaning
Russian idea

Summary:

The final section of A. S. Zapesotsky's monograph «Formation of global culture and conflicts of civilizations (based on the materials of international Likhachev scientific readings)» in the genre of replica is reviewed. The main purpose of the presented recall is the analysis of opposite in its ideological orientation philosophical and ideological positions of the participants of the Readings in their comparison with the general concept and methodology of the monograph. At the same time, all the critically analyzed ideological attitudes of the authors of the reports are considered from the point of view of their compliance with the anti-metaphysical methodology of building the book which sets the task of finding common in the ideological oppositions. It is suggested that the book under review uses two variants of the dialectical method – «Socratic» which aimed at finding the initially unknown essence of real contradictions and «Hegelian» which designed to synthesize the selected logical way the final result. It is shown that the second kind of dialectics is more relief presented in subsection 7.3. «Sense-forming dominants of the Russian civilization» where the some main ideological orientations of the globalisation national culture are considered. Among them is the opposition of two ideological projects of man: classical and neo-pagan, the idea of dialogue between science and religion, existential and cultural understanding of the nature of sense. It is noted that the worldview guidelines of the Russian idea presented in the book which can act as a building material for the state ideology and geopolitical strategies first of al, take into account its national specifics. In this regard the book indicates the general principles of national and at the same time global ethics of the future most prominently formulated in the creation of F. M. Dostoevsky. The general conclusion of the remark: in the combination of different worldview and stylistic positions, but with the mandatory preservation of the with the remaining ideological orientation of the overall design of the project it is one of the distinctive features of the reviewed section of the book which managed to convey a special creative world of Likhachev's scientific readings.

Сотрудники ИЛЛМИК — организаторы и участники VII Международного исследовательского семинара по проблемам истории Карелии

**СУСЛОВА
ЕВГЕНИЯ
ДМИТРИЕВНА**

*кандидат исторических наук,
старший преподаватель, специалист,
Петрозаводский государственный университет,
Института истории, политических и социальных
наук, кафедра зарубежной истории,
политологии и международных отношений,
исследовательская лаборатория локальной
и микроистории Карелии (ИЛЛМИК),
Петрозаводск, Российская Федерация,
evgenia.suslova@mail.ru*

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 01 декабря 2019 года

Опубликована: 03 декабря 2019 года

17–18 октября 2019 г. состоялся VII Международный исследовательский семинар «Пространство трансграничности: Карелия в XVII – начале XX века Cross-Border Land: Karelia in the 17th – beginning of 20th century», в котором приняли участие сотрудники Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (далее – ИЛЛМИК ИИПСН) Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, и студенты, вовлеченные в научно-исследовательскую работу лаборатории.

Идея проведения семинаров с целью обсуждения ключевых проблем истории Карелии в XVII – XX вв. принадлежит доценту кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ИИПСН, руководителю ИЛЛМИК Ирине Александровне Черняковой, выступившей одним из его постоянных организаторов.

Семинар состоялся в стенах старейшего отечественного академического учреждения – Санкт-Петербургского института истории РАН. Значимая роль в его организации принадлежит сотрудникам института – директору, д.и.н., чл.-корр. РАН А. В. Сирену, зам. директора по научному сотрудничеству, д.и.н. В. Г. Вовиной-Лебедевой, зам. директора по научной работе, д.и.н. И. В. Лукоянову и ст. науч. сотруднику М. Е. Проскураковой, выпускнице Исторического факультета ПетрГУ, подготовившей на базе ИЛЛМИК кандидатскую диссертацию по истории гарнизонов Выборгской Карелии в первой половине XVIII века и защитившей ее в Диссертационном совете Санкт-Петербургского Института истории РАН в 2010 году (науч. рук. – И. А. Чернякова).

Организаторами также выступили сотрудники Университета Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу) – профессора Ю. Я. Корпела (J. Korpela) и К. Ю. Катаяла (K. Katajala).

С докладами выступили 16 человек – 11 ученых и 5 студентов. Из их числа 6 – преподаватели (3) и докторанты (3) Университета Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу).

С приветственным словом к аудитории обратились директор Санкт-Петербургского Института истории РАН А. В. Сиренов, профессор Университета Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу) Ю. Я. Корпела и доцент, руководитель ИЛЛМИК ИИПСН ПетрГУ И. А. Чернякова. Подчеркнув, что для

Санкт-Петербургского Института истории РАН большая честь принимать в своих стенах участников семинара, А. В. Сиринов обратил внимание собравшихся на необходимость привлечения к работе в качестве слушателей большого числа студентов. Отмечая высокий научный уровень семинара, А. В. Сиринов уверенно заявил, что семинар предоставляет молодым историкам уникальную возможность знакомства с наиболее дискуссионными проблемами, которые находятся в фокусе внимания отечественной и зарубежной исторической школы, предлагаемыми концепциями, методиками работы с источниками, и приобретают столь необходимый для них опыт участия в научной дискуссии.

Профессор Ю. Я. Корпела, в свою очередь, поблагодарил сотрудников Института за возможность проведения семинара в стенах старейшего академического учреждения России и пожелал всем участникам семинара плодотворной работы. Осветив историю предшествующих семинаров, первый из которых состоялся семь лет назад на базе Петрозаводского государственного университета, руководитель ИЛЛМИК И. А. Чернякова подчеркнула их абсолютную востребованность научной общественностью как площадки для обмена идеями и концепциями между российскими и зарубежными учеными, так и школы для начинающих историков.

Семинар открыл профессор Ю. Я. Корпела, который рассказал о постепенной трансформации облика Олонецкой Карелии к началу XVI века. Особое внимание исследователь акцентировал на проблеме комплексного анализа и интерпретации источников — разных по происхождению, степени информативности и достоверности. Профессор К. Ю. Катаяла познакомил аудиторию с широко обсуждаемой и разрабатываемой в зарубежной историографии концепцией выстраивания западноевропейскими государствами в XVI—XVII веках новой системы управления регионами — «снизу» — на примере Кексгольмского уезда, входившего с 1617 года в состав Шведского королевства.

Оба доклада, посвященные интеграции традиционных сообществ приграничья в состав двух европейских государств, Швеции и России, задали определенный тон всему семинару. Его участники представляли свои доклады и обсуждали вопросы, связанные с теми или иными аспектами развивавшегося в течение столетий процесса выстраивания администрацией — светской и духовной — вертикали власти и трансформации отдаленной языческой периферии в часть христианского сообщества.

Так, доклады С. Скъявоне (S. Schiavone), докторанта Университета Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу) и М. Е. Проскуряковой держали в фокусе внимания широко распространенную в европейских странах в Раннее новое время практику привлечения офицеров-иностранцев к военной службе. С. Скъявоне рассказал об участии шотландских капитанов, нанятых Швецией, в войне с Московским государством в 1570—1595 годах. Опираясь на материалы Российского государственного архива древних актов, М. Е. Проскурякова раскрыла до сих пор малоизученный вопрос о привлечении Москвой иностранных офицеров к службе в Олонецком уезде в середине XVII столетия. Исследовательница определила их численность и на основе реконструкции карьеры каждого иностранца выявила общие черты, характерные для этой группы военных.

И. Карвонен (I. Karvonen), Й. Меровуо (J. Merovuuo) и Е. Д. Суслова в своих докладах затронули проблемы, связанные с трансформацией духовной и повседневной жизни сельских приходов, которая происходила под воздействием проводимой Церковью и государством политики, направленной, в конечном счете, на ликвидацию архаичных местных практик и традиций. В частности, И. Карвонен, проанализировав жития новгородских, псковских и тверских Святых, созданных по заказу митрополита Макария во второй половине 1540-х гг. и включенные в Великие Минеи Четьи, представила результаты исследования по выявлению изменений, которые были внесены в догматическую формулу Святой Троицы, эпитеты Бога и каждой Ипостаси. Кропотливая работа с источником позволила исследовательнице сделать интересные выводы относительно проводимых Церковью в середине XVI столетия мер, направленных на сохранение чистоты православия и борьбу с распространившейся ересью жидовствующих.

Специалист ИЛЛМИК Е. Д. Суслова на примере сельских приходов Олонецкого уезда, включивших в середине XVII столетия семнадцать Заонежских и семь Лопских погостов, определила характерные черты их постепенной интеграции в церковно-территориальную структуру Российского государства и затем Российской империи в широкой хронологической перспективе — с середины XVI до середины XIX века.

Докторант Университета Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу) Й. Меровуо рассмотрела особенности развития духовных и социальных практик в одном из пограничных приходов, который волею судеб по окончании русско-шведской войны 1741—1743 гг., был разделен на две части. Исследовательница пришла к выводу о том, что приход как община сохранил свою целостность

несмотря на то, что в каждой части учреждалась своя администрация, и местное духовенство приобрело своеобразную двойственную роль, выступая своего рода посредником между двумя государствами.

Доклад, представленный магистранткой первого года обучения ИИПСН ПетрГУ У. А. Милютиной был посвящен оценке информативного потенциала уникальной рукописи, обнаруженной ее научным руководителем И. А. Черняковой в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. У. А. Милютина ставит перед собой задачу установить автора ранее неизвестной научной общественности рукописи, который, судя по тексту манускрипта, являлся участником русско-шведской войны 1788—1790 годов.

Аспирант докторской (PhD) программы «Past, Space and Environment in Society» в Университете Восточной Финляндии (кампус Йозенсуу) П. С. Воронина (науч. рук. — И. А. Чернякова, К. Ю. Катаяла, М. Кангаспуру) рассказала о региональном аспекте событий, развернувшихся в Ухтинском уезде в 1920-е годы вокруг судеб карельских беженцев, которые после подавления мятежа 1921—1922 годы выехали в Финляндию, а затем получили возможность вернуться на родину.

И. А. Чернякова (в соавторстве с О. В. Черняковым), Т. Г. Леонтьева и А. В. Полевая (Осипова) в своих докладах представили результаты научно-исследовательской работы по изучению социально-демографической ситуации и хозяйства изучаемых регионов. В частности, И. А. Чернякова обратила внимание аудитории на то, что в историографии существуют разные подходы относительно идентификации территории Олонецкой Карелии. Исследовательница уверенно полагает, что под Олонецкой Карелией (наряду с которой существуют Беломорская Карелия, Тверская Карелия и др.) следует понимать территорию Олонецкого уезда — первого административного образования, возникшего в 1649 году, с выделением в его составе отдельных частей — Пудожского края, Выгозерья, Заонежья, Приладожья, Прионежья и Лопских погостов. Обращаясь к проблеме оценки социально-демографической ситуации в Олонецкой Карелии в XVII—XIX веках, И. А. Чернякова разрабатывает свою собственную методику, в основе которой лежит выбор прихода и волости в качестве основных единиц для выявления и сопоставления социально-демографических данных в разных хронологических срезах.

Профессор Т. Г. Леонтьева, декан Исторического факультета Тверского государственного университета, рассказала о результатах комплексного исследования, которое проводится ею совместно с аспиранткой — А. В. Полевой (Осиповой), по изучению истории миграции карелов из Корельского уезда в середине XVII столетия в Тверское Верхневолжье, определению ареалов их расселения и численности, особенностей хозяйственного уклада жизни, складывавшейся церковно-приходской системы и возникавших этноконфессиональных практик. А. В. Полевая (Осипова) уделила пристальное внимание оценке хозяйства тверских карелов, которое, с точки зрения автора, во многом определялось природно-ресурсным потенциалом Тверского Верхневолжья.

Еще два доклада существенно расширили рамки проблематики, которую затрагивали участники научно-исследовательского семинара. Зав. научно-историческим архивом Санкт-Петербургского Института истории РАН, к.и.н. Т. А. Базарова представила доклад, посвященный оценке шведских и русских чертежей времен Северной войны как исторического источника для воссоздания облика столицы, основанной Петром I.

Доцент кафедры естествознания и географии Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина Л. Б. Вампилова и проф. кафедры экологии промышленных зон и акваторий Санкт-Петербургского государственного морского технического университета Н. А. Бродская рассказали о крайне сложной геозоологической ситуации в Костомукшском районе, на территории которого действует горно-обогатительный комбинат, осуществляющий добычу сырой руды в пяти карьерах и производство железорудных окатышей.

Аудитория не оставалась равнодушной к озвученным идеям и концепциям. После представления каждого доклада разворачивалась живая дискуссия, которая является неизменным и значимым маркером научно-исследовательских семинаров, организуемых при участии ИЛЛМИК, сотрудники которого стремятся к уточнению и переосмыслению уже сложившихся в историографии концепций и мнений. Выслушав мнения и советы, все докладчики, без сомнения, получили новые импульсы для осмысления разрабатываемых ими тем, в то время как начинающие историки с головой окунулись в «кухню» историка-профессионала.

ILLMiK employees - organizers and participants of the VII International Research Seminar on the problems of the history of Karelia

**SUSLOVA
EVGENIYA**

*PhD in History,
Senior lecturer, Specialist,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences, Department of Foreign
History,
Political Science and International Relations,
Investigative Laboratory
for Local and Microhistory of Karelia (ILLMiK),
Petrozavodsk, Russian Federation,
evgenia.suslova@mail.ru*